

Ида Мартин

Пусть это буду я

Открытым сердцем легко манипулировать

Ида Мартин
Пусть это буду я
Серия «Young Adult.
В лабиринте страха»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244372
ISBN 978-5-04-187267-0

Аннотация

От автора романа «Пуговицы» Иды Мартин.

Мистический триллер о с элементами магического реализма о желаниях, которые иногда заходят слишком далеко.

Закрученный сюжет, в котором переплетаются тайны семейных уз, изнанка писательской реальности, детские травмы и первые настоящие чувства.

Восемнадцатилетним двойняшкам Коле и Люсе поступает предложение от известного писателя Гончара: стать прототипами героев его новой книги. Взамен он обещает им гонорар, проживание в старинном особняке в центре Москвы, интересное общество и перспективы.

От ребят не требуется ничего, кроме доверительного разговора.

Брату с сестрой, выросшим без родительской заботы, возможность прикоснуться к богемной столичной жизни кажется чем-то поистине волшебным.

Вот только позже выясняется, что дом писателя полон секретов, странных жильцов, распорядков и правил. Внутренние двери запрещено запирасть на ключ, пропуск обеда грозит обернуться наказанием, а существование пятого этажа и вовсе не принимается в расчет.

Со временем двойняшки понимают, что и у писателя на них совсем другие планы.

Но какие тайны хранят постояльцы дома? И что их всех связывает?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ида Мартин

Пусть это буду я

Иллюстрация на обложке – @00maguu

Художественное оформление Радия Фахрутдинова

© Мартин И., 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*С благодарностью
моим родителям*

*I used to rule the world
Seas would rise
When I gave the word
Now in the morning I sleep alone*

Sweep the streets I used to own.¹

¹ Coldplay, Viva La Vida (здесь и далее прим. автора).

Глава 1

Москва оглушала. В ней все пребывало в сосредоточенном, торопливом движении, словно столичное население всем составом стремительно переселялось на Марс.

Коля с Люсей оказались в метро впервые, и сразу стало ясно, что это квест повышенной сложности: карты, маршруты, переходы и эскалаторы, а еще многочисленные человеческие потоки.

Они никогда не видели, чтобы люди так быстро ходили. Мамочки с колясками, старушки с тяжелыми сумками, девушки на высоченных каблуках оказывались быстрее и проворнее их.

Согласно схеме, дорога от Казанского вокзала до нужной им станции занимала не больше четырнадцати минут, но они потратили почти полчаса, разбираясь с пересадками.

Вышли из метро и, скинув рюкзаки и сумки прямо на землю, остановились перевести дух.

– Сгоняю за мороженым? – предложил Коля.

– Не нужно, – забеспокоилась сестра, – вдруг потеряешься.

– Вон магазин, – он мотнул головой, – если подождешь здесь, точно не потеряюсь.

Люся с опаской огляделась.

– Ладно.

– Тебе какое?

– Фисташковое.

Июль сиял в солнечных лучах, и все вокруг словно сверкало алмазной крошкой: дома, дороги, редкие деревья и набережная. Люди тоже искрились.

Проезжая часть была забита машинами: красивыми, дорогими и блестящими на ярком летнем солнце. Они выруливали с разных сторон и заставляли вздрагивать от резких сигналов. Мимо проносились электросамокаты, звякали велосипеды доставщиков, пробегали стайками шумные подростки.

На площади, чуть поодаль от Люси, в окружении плотного кольца зрителей, играли уличные музыканты, и до ее слуха отчетливо доносилось их жизнерадостное многоголосье: «No Woman, No Cry».

Достав из рюкзака бутылку воды, она сделала несколько больших глотков. От жары усталость как будто усилилась.

За двенадцать часов пути можно было отлично выспаться, но от волнения Люся так и не сомкнула глаз. Коля на нижней полке отрубился, как только легли, а она провела ночь, глядя в окно и с замиранием сердца фантазируя о том, что их ждет.

Эта поездка представлялась ей дверью в новый, неизведанный и чудесный мир. Мир надежд, успеха и исполнения желаний. Коля утверждал, что в Москве возможно все, и она искренне ему верила, потому что очень хотела, чтобы именно так и было.

Щурясь от солнца, Люся с нескрываемым любопытством разглядывала прохожих, монументальные здания, вывески магазинов и кафе, когда к ней подошла девушка: широкая пестрая юбка, длинные распущенные волосы, на запястьях разноцветные браслеты. В первый момент Люся испугалась, что это цыганка, но потом увидела картонную коробочку с монетами и сообразила, что это помощница музыкантов.

Торопливо сунув руку в боковой карман рюкзака, Люся вытащила горсть мелочи и кинула в протянутую коробочку.

– Подходи ближе, – расплылась в улыбке девушка.

– Не могу, брата жду. – Люся показала на вещи. – Но мне и здесь хорошо слышно. Здорово играют.

– Хочешь заказать песню? – Девушка игриво подмигнула.

– В смысле?

– Сыграют специально для тебя. Ну? У тебя есть любимая песня?

Люся пожала плечами.

– У меня много любимых. Они знают «Колдплей»?

– Пятьсот рублей.

– Это очень много, – растерялась Люся.

Взмахнув пестрой юбкой, девушка растворилась в толпе так же незаметно, как и появилась.

– Держи! – перед лицом возник нежно-зеленый шарик мороженого в вафельном стаканчике.

– А где твое мороженое? – удивилась Люся.

– Обойдусь. – Коля поморщился. – Знаешь, сколько оно

здесь стоит?

– Я тебе оставлю, – пообещала она, пожалев, что отдала сдачу с проездного музыкантам. – А мне предлагали песню спеть за пятьсот рублей. Представляешь?

– Ладно, ничего! – Брат закинул рюкзак на плечо. – Пройдет немного времени – и они целыми днями будут играть только музыку из твоего плейлиста.

Люся засмеялась. Брат всегда умел обнадежить.

Идти от метро оказалось недалеко. Пять минут по прямой и направо до пересечения с проспектом, а потом через арку с кодовым замком на решетчатой калитке в небольшой закрытый дворик-колодец, образованный из плотно примыкающих друг к другу четырехэтажных домов.

По дороге купили торт и лоточек клубники. Коля был против, считая, что им нужно экономить, но Люся настояла, потому что это не тот случай, когда можно прийти с пустыми руками.

На брусчатой площадке перед единственной подъездной дверью ребята остановились, собираясь с духом.

– Коль, как я выгляжу? – спросила Люся.

Брат критически оглядел ее с ног до головы: белые, чуть запылившиеся полукеды, короткое приталенное платье абрикосового цвета с крупными пуговицами от подола до отложного воротничка, на плечах – две ровные аккуратные косички. Ресницы Люся густо накрасила черной тушью, из-за

чего сильно смахивала на ретроактрису.

– Шикарно выглядишь! – Коля не лукавил, ему сестра всегда казалась очень красивой. – А я?

– Ты тоже шикарно. Только я все-таки считаю, что нужно было надевать брюки, а не эти убитые джинсы. Они...

– Все-все. – Он поспешно набрал номер квартиры на домофоне, и громкий сигнал вызова прокатился по дворику.

Из кустов под окнами первого этажа выскочили два серых кота и шмыгнули в подвальное окошко.

– Кто там? – послышался из динамика грубый женский голос.

– Это Коля и Люся Бойко. Мы договаривались с Олегом Васильевичем.

– Ждите.

Домофон отключился. Брат с сестрой переглянулись.

Люся шумно выдохнула.

– Что-то я опять волнуюсь.

– Все в порядке, – заверил Коля, – клубнику не помни.

Люся бросила взгляд на пластиковый лоток в своей руке и только сейчас заметила, что сжимает его слишком крепко.

– Я не могу перестать думать о том, что будет, если мы ему не понравимся.

– Мы ему понравимся!

– Тебе очень идет эта стрижка! – Люся с благодарностью посмотрела на брата.

И вроде бы это был тот же самый, обычный ее Коля: само-

уверенный, любопытный и простой, с лучистыми, чуть раскосыми глазами и улыбкой в пол-лица; но в то же время с этой новой, непривычно короткой прической он выглядел сильно повзрослевшим.

Металлическая дверь подъезда щелкнула, и, придерживая ее, к ним вышел невысокий сухопарый мужчина в темно-бордовой рубашке с коротким рукавом. Волосы его были гладко зачесаны набок, а возле серых глаз лучились морщинки.

– Молодые люди, добро пожаловать! Мы вас ждем.

– Олег Васильевич, здравствуйте! – подалась к нему Люся. – Я Люся, а это Коля.

– Я не Олег Васильевич, – доброжелательно отозвался мужчина, – но я провожу вас к нему. Можете называть меня Шуйский.

– Просто по фамилии? – не понял Коля.

– Не стесняйтесь, – мужчина махнул рукой, приглашая их пройти, – меня все так называют.

В подъезде ощущалась приятная прохлада и пахло влажными полами. Вестибюль оказался очень просторным. По одной квартире с левой и с правой стороны. Впереди виднелась широкая каменная лестница, рядом с ней сетчатая дверь лифта.

Они видели такие лифты только в кино. Двери кабины открывались вручную, и стоило войти, как пол со скрипом про-

сел.

Шуйский нажал на кнопку, лифт загудел, и все вокруг затряслось.

На лестничной площадке второго этажа, куда они приехали, брат с сестрой еще раз переглянулись и следом за Шуйским шагнули в длинный, со множеством дверей коридор открывшейся перед ними квартиры.

На полу лежала мраморная плитка, а на окрашенных в белый цвет стенах висели картины.

Дошли до двустворчатых распашных дверей и очутились в комнате с роскошными винно-красными шторами на окнах, заставленной огромными книжными шкафами.

– Олег Васильевич, они пришли, – объявил Шуйский в пустоту и застыл в ожидании.

Спустя минуту в проеме между шкафами отворилась узкая дверь, и оттуда выкатился ссутулившийся старик в инвалидном кресле.

Ребята не ожидали, что Олег Васильевич окажется таким старым. На фотографиях в интернете писатель Олег Васильевич Гончар выглядел молодым и абсолютно здоровым.

– Так-так, – произнес он, издалека разглядывая их, – и кто это у нас тут такой симпатичный?

– Здравствуйте, мы Коля с Люсей, – отчеканила Люся, протягивая клубнику.

– Вот, приехали, как договаривались, – по-простому добавил Коля, – очень рады знакомству.

Олег Васильевич – серебристые волосы до плеч, черные густые брови и круглый курносый нос – направил кресло в их сторону и остановился напротив.

– Гончар, – принимая клубнику, представился он. – Чай-кофе не предлагаю, скоро обед, и Козетта будет ругаться, если вы перебьете себе аппетит, но мы легко можем организовать воду или ягодный морс.

– Большое спасибо, – отозвалась Люся, – вода у нас есть. Нахмурившись, писатель склонил голову, продолжая осматривать их.

– Вы прелестные, – заключил он, сверкнув не по возрасту белозубой улыбкой, – и мне не терпится с вами поболтать, но понимаю, что с дороги требуется отдых. Шуйский покажет вашу квартиру. Но на обед явка обязательна!

– Здесь все квартиры, да и вообще весь дом принадлежат Олегу Васильевичу, и он любезно позволяет нам тут жить, – принялся охотно рассказывать Шуйский, когда, миновав два длинных коридора квартиры, они вышли на узкую черную лестницу с высокими сводчатыми окнами и разбитыми каменными ступенями. С одной стороны лестницы была глухая зеленая стена, с другой – массивные деревянные двери квартир. Одна на каждом этаже.

– Правое крыло у нас мужское. – Шуйский шутливо хмыкнул. – Так уж получилось. Не нарочно. Моя квартира на первом, прямо под квартирой Олега Васильевича. А на третьем

обитают Корги – мальчишка, его помощник.

Женщины на левой стороне. Магда, старая приятельница Олега Васильевича, живет напротив меня. Над ней, на втором, квартира Козетты. Козетта у нас главная по хозяйству. Готовит, убирает и всем заправляет, так что если вдруг что понадобится: белье, полотенца, шампунь – спрашивайте у нее. За едой тоже обращайтесь к ней. Обеды и ужины у нас организованные, но в каждой квартире имеется своя кухня, можно попить чаю и позавтракать. Вы познакомитесь со всеми за обедом. Ну вот мы и пришли. Четвертый этаж. Это ваш.

– А что на пятом? – Коля задрал голову, заглядывая в лестничный пролет.

– На пятом? – переспросил Шуйский удивленно. – На пятом ничего.

С силой дернув за ручку, он раскрыл перед ребятами дверь.

– Добро пожаловать!

В коридоре было очень светло. Светлые стены, высокие потолки, жаркое солнце заливало все, проникая через раскрытые комнатные двери. Пахло моющими средствами и чистотой. К их приезду явно готовились, однако ощущалось, что помещение долго стояло нежилым.

Кинув рюкзаки, брат с сестрой в сопровождении Шуйского медленно прошли мимо кабинета, столовой, трех спален, кухни, библиотеки и еще нескольких комнат неопределенно-

го назначения.

Люся не могла поверить глазам! Таких квартир она не видала даже в кино. Только огромные дома, но одно дело дом и совсем другое – квартира.

Как и на втором этаже, здесь повсюду висели картины, а полочки, комоды и столики украшали всевозможные шкапулки, статуэтки, ракушки и вазочки.

– Ну как вам ваша новая обитель? – любезно поинтересовался Шуйский, когда они закончили осмотр.

– Все круто! – воодушевленно заверил Коля. – Просто невероятно!

Шуйский удовлетворенно кивнул.

– В таком случае располагайтесь и чувствуйте себя как дома, а я вас оставлю. Обед в два. Пропускать нельзя. Дорогу обратно сами найдете?

– А вы нам ключи дадите? – спросила Люся.

– Обязательно, – Шуйский кивнул, – но только от центрального входа. Двери черной лестницы в жилых помещениях у нас должны быть всегда открыты. Это элементарная техника безопасности на случай пожара. Дома в этом районе старые, перекрытия деревянные, проводка, бывает, шалит. Город хочет реконструкцию делать, но Олег Васильевич пока не дает.

– Это невероятно, – поразился Коля, – целый дом в самом центре Москвы принадлежит одному человеку!

Как только шаги Шуйского на лестнице стихли, Коля счастливо стиснул сестру в объятиях.

– Говорил же, что все будет круто, а ты не верила!

– Я и сейчас не верю, – ответила она и высвободилась. – Как-то это чересчур.

– Ничего не чересчур! – Брат пребывал в радостном возбуждении. – Ты уже присмотрела себе комнату?

Люся вернулась к одной из спален – самой небольшой, но благодаря угловому расположению самой светлой. Одно ее окно смотрело на проезжую часть и исторический особняк, а второе выходило в зеленый сквер.

– Я буду спать здесь, – объявила она и тут же с протяжным стоном повалилась на широкую, вкусно пахнущую свежим бельем кровать.

– Прямо сейчас?

– У нас же есть до обеда время?

Коля взглянул на часы в телефоне.

– Еще час.

– Мне хватит. – Приподнявшись, она сбросила с ног полукеды.

– В таком случае я приму душ.

Когда дверь за братом закрылась, Люся подошла босиком к окну и, немного повозившись с тяжелыми деревянными рамами, распахнула обе створки настежь.

В комнату ворвался жар улицы и легкое дуновение ветерка. Шторы затрепетали.

Стянув узкое, липнущее к потному телу платье и оставшись в лифчике и трусах, она с наслаждением раскинулась на кровати.

– Привет!

Незнакомый голос раздался так неожиданно, что она сначала села и только потом, увидев в комнате чужого парня, сообразила, что не одета.

– Тебя стучаться не учили?

В отличие от нее парень ничуть не смутился, продолжая с любопытством наблюдать, как она суетится, оборачиваясь покрывалом.

– Извини, – он протянул зажатые в пальцах ключи, – Олег Васильевич велел передать вам. Это от входной двери.

– Положи на комод.

Ей наконец удалось прикрыться.

– Я Корги, – сообщил парень.

– Корги? Как собака?

– Ну да. Прозвище.

– Потому что кусаешься? – Она все еще была на него рассержена.

– Потому что милый.

Люся усмехнулась.

Выглядел он вызывающе небрежно: тонкая и очень широкая белая футболка с неровным растянутым вырезом и красные клетчатые брюки. Действительно довольно милый: смаз-

ливый, с копной пепельно-русых волос, голубыми глазами и трагическим изгибом губ.

Корги подошел к окну и выглянул на улицу.

– Хорошая комната, но шумная. По утрам машины, а ночью народ гуляет. Я на твоём месте выбрал бы другую спальню. Ту, что ближе к лестнице. Там оба окна выходят в сквер.

– Я подумаю, – нехотя откликнулась Люся.

– Я живу под вами. – Как ни в чём не бывало Корги пристроился на подоконнике. – Помогаю Олегу Васильевичу с книгой. Он надиктовывает, а я записываю. Ему тяжело освоить комп.

– Понятно.

– А так я учусь. На дизайнера. В Вышке. Буду иллюстратором.

– Круто.

– А у тебя какие планы?

В другое время Люся обрадовалась бы подобному дружескому общению, но не сейчас.

– Давай потом поболтаем. У меня была бессонная ночь.

Корги понимающе кивнул, но с места не сдвинулся. Он смотрел на неё пристально, с нескрываемым интересом, отчего ей снова стало неловко.

– У тебя красивые глаза, – запросто сказал он. – И овал лица, и плечи... Можно я тебя нарисую?

– Надеюсь, не прямо сейчас?

– Нет-нет, потом, завтра... или позже, когда захочешь.

С трудом удерживая на себе широкое, путающееся в ногах покрывало, Люся дошла до двери и распахнула ее, приглашая парня выйти.

– Приятно было познакомиться.

Это заставило Корги встать с подоконника. Не вынимая рук из карманов, он неторопливо пересек комнату и остановился напротив Люси. С улицы доносился гул проезжающих машин и веселые детские голоса.

– Можешь заходить ко мне в любое время. С черного входа двери всегда открыты.

Не встречаться с ним взглядом не получалось. Светло-голубые глаза смотрели настойчиво и изучающе.

– Спасибо за приглашение.

– Увидимся за обедом.

Она торопливо прикрыла за ним дверь и, облегченно выдохнув, снова вернулась в кровать. Но уснуть не удавалось, сказывалось возбуждение от новых впечатлений, а вскоре к ней в комнату ввалился Коля.

– Прикинь, горячей воды нет. Вот тебе и Москва!

Он был босиком, в трусах, тело его блестело от влаги.

Люся взглянула на телефон – до обеда оставалось пятнадцать минут.

– Пока ты там намывался, ко мне приходил странный парень и я его еле выгнала.

– Что за парень? – нахмурился Коля.

– Корги – помощник Гончара. Под нами живет.

Коля кивнул, припоминая слова Шуйского.

– Чего хотел?

– Вроде просто познакомиться, но нужно что-то придумать, чтобы мы могли закрывать дверь.

– Он тебя напугал? – Коля напрягся.

– Дело не в этом. Но мне будет намного спокойнее, если я буду знать, что, пока я сплю, к нам никто не войдет.

– Поговорю с Гончаром, – пообещал брат.

– Ах, да, – вспомнила Люся, – на комодке ключ от входной двери. Корги принес.

Коля взял ключ и зажал в кулаке.

– Пусть останется у меня. Одевайся! В первый день не стоит опаздывать.

Люся нехотя поднялась, надела платье и, пригладив перед большим зеркалом в раме несколько выбившихся волосков, критично оглядела себя.

Двойняшкам совсем необязательно быть похожими. Это не близнецы. Но Коля с Люсей получились разнополым вариантом человека с одной внешностью.

С возрастом это стало менее заметно, но в детстве их было не различить. Точеные скуластые лица от вологодской родни по материнской линии, густые каштановые волосы и совсем светлые серые глаза плюс фамилия от папиных белорусов.

Брата она считала красивым, но о себе так не думала, полагая, что ее лицу не хватает женственности, ведь каждый раз глядя в зеркало, она видела в нем Колю.

Но в остальном они отлично друг друга дополняли. Где бы ни были, чем бы ни занимались, все распределялось поровну. Люся отыскивала маршруты, Коля вел по ним; Люся намазывала обои клеем, Коля приклеивал; Люся выстраивала планы на ближайшее будущее, Коля их воплощал.

Порой их роли менялись, но Люся была все же более вдумчивой и осторожной, а Коля – импульсивным и прямым. Он родился раньше сестры на семь минут и в их тандеме считался лидером, однако на деле без поддержки сестры никак не мог обойтись. И если случалось, что их мнения расходились, Коля, поступая по-своему, впоследствии нередко об этом жалел. Но не потому, что сделал нечто ошибочное, а лишь оттого, что нуждался в одобрении сестры.

Глава 2

В огромной столовой за длинным столом, застеленным бледно-зеленой скатертью, их собралось шестеро. Гончар, как и полагается хозяину, занимал место во главе стола.

Брата с сестрой усадили по его левую руку, спиной к окнам, а с другой стороны расположились Шуйский и Магда – величественная бабка с фиолетовыми волосами.

Корги, сменивший к обеду растянутую футболку и клетчатые штаны на белую тенниску и джинсы, пришел позже всех и занял свободный стул в конце стола. Крупная громогласная женщина в кружевном фартуке по имени Козетта приносила еду и убирала грязные тарелки. За стол она не садилась и к обеду не присоединилась, однако, если слышала нечто для нее интересное, запросто вмешивалась в разговор.

Стол ломился от еды. Несколько овощных салатов, морепродукты, зелень, брынза, мясные нарезки. Определенно, это был праздничный обед, означающий, что им рады, но из-за жары есть не очень-то хотелось.

– Откуда же вы приехали? – полюбопытствовала Магда.

Она сидела напротив ребят и без стеснения разглядывала их. Лицо у нее было крупное, старческое, но не старушечье: брови тщательно нарисованы, ресницы покрашены, ярко-красная помада лежала густым слоем, а костлявые пальцы на обеих руках украшали массивные перстни с красными

камнями.

– Поселок Первомайский. Это в Пензенской области, – ответил Коля.

– Двенадцать часов на поезде, – добавила Люся.

Шуйский с пониманием покачал головой.

– Далековато.

Он тоже приоделся. Бледно-голубая рубашка была туго застегнута под горло, волосы прилизаны еще сильнее, от него веяло сладковатым запахом одеколона.

– И что, родители вас спокойно отпустили в такую даль? – продолжила расспросы Магда.

Люся с Колей переглянулись.

– Мама в общине живет, – сказала Люся, – к нам не приезжает, ей не до нас.

Повисла тишина.

– А отец буддист, – добавил Коля.

– Вы тоже верующие? – заинтересовался Шуйский.

– Мы агностики, – поторопилась пояснить Люся, прежде чем брат успел объявить о своем воинствующем атеизме, который он взрастил в себе в пику родительским верованиям. – Мы считаем, что мир непознаваем.

Коля недовольно передернул плечами, но промолчал.

– Как здорово! – обрадовался Гончар. – Это очень резонирует с моими убеждениями. Расскажите нам, пожалуйста, еще немного о себе, – попросил Олег Васильевич. – Что вы любите, чем увлекаетесь, какие у вас планы на жизнь?

– У меня первый юношеский разряд по плаванию, – похвастался Коля. – Я получил его в шестнадцать, но дальше не пошел. Спорт для меня не самоцель. Я поступаю в университет на гражданского пилота. Умею красить дома и перекрывать крыши, в прошлом году все лето так подрабатывал с нашей местной бригадой. А еще играю в покер. Хорошо играю. Отец научил.

– Чем же занимается ваш отец?

Взгляд у писателя был заинтересованный и ласковый.

– Да ничем, – с легкостью бросил Коля, и сестра тут же наступила ему на ногу. – В смысле ничем особенным.

– Сейчас у него свой образовательный канал на «Ютубе», – сказала Люся.

– Где канал? – не понял Шуйский.

– Это в интернете, – охотно пояснил Коля. – Считайте, как передача по телевизору.

– А... – Сделав вид, что объяснение его удовлетворило, Шуйский уставился в тарелку.

– Почему же ты решил стать пилотом? – продолжил вопрос Гончар.

– Не знаю, просто захотелось.

– Так не бывает. У всего всегда должна быть причина, – поучительно произнес писатель. – Ты увидел прекрасный самолет, летящий в лазурном небе? Прокатился на аттракционах – и тебя захватило чувство полета? Тебе рассказал кто-то из знакомых о том, что это круто?

– Нет, ну что вы? Все намного проще. – Коля не переставал улыбаться. – Когда я был маленький, то верил, что внутри облаков стоят прекрасные воздушные замки. Как в той сказке про Джека и волшебные бобы.

– Ну а ты чем увлекаешься? Что любишь? – Олег Васильевич резко переключился на Люсю. – Тоже плаваешь и играешь в покер?

– Я люблю рисовать. Люблю книги, кино, музыку, животных и вообще всю природу.

– Надо же! – обрадованно воскликнул писатель. – В таком случае вы, несомненно, подружитесь с моим Корги.

Люся осторожно посмотрела на парня и, встретившись с его открытым взглядом, смущенно улыбнулась.

– Я много чего люблю. Люблю танцевать, смотреть на звезды и спать, – добавила Люся.

– Спать? – переспросил Корги с сомнением. – Как можно любить спать? Когда ты спишь, тебя нет.

– Да, но если я хорошо сплю, то чувствую потом себя замечательно. А если не высыпаюсь, злюсь на все подряд. А еще сны! Мне часто снятся волшебные сны. Я их запоминаю и иногда могу вызвать сон с продолжением.

– Ты тоже собираешься учиться в Москве? – перебила ее Магда.

– Да, на юридическом. Хочу стать адвокатом.

– Почему же ты не поддержала брата? – Гончар вопросительно склонил голову. – Могла бы стать стюардессой, и вы

летали бы вместе.

– Мы думали об этом, – призналась Люся, – но я боюсь высоты, да и учиться платно двоим слишком дорого. Я подала документы туда, куда смогу пройти на бюджет.

– Значит, у тебя нет своей мечты? – Корги хитро прищурился.

– Такой, как у брата, нет.

– А какие книги? Кино? Театральные постановки вы любите? – снова вклинился Шуйский. – У вас есть предпочтения в жанрах или темах?

– Я люблю кино, – поторопился ответить Коля. – Почти каждый день смотрю что-нибудь. Люблю Тарантино и особенно его «Бешеных псов», хотя некоторые считают, что этот фильм уже устарел. Но Тим Рот там очень здорово сыграл. А еще мне нравится «Талантливый мистер Рипли», и «На ярком солнце» тоже, но Ален Делон слишком аристократичен для Рипли. Сам по себе он отличный актер, но там он будто не совсем на своем месте.

– Ален Делон идеален, – категорично высказалась составляющая грязные тарелки на сервировочный столик Козетта. – Это самый прекрасный мужчина всех времен и народов. Ну, после Олега Васильевича, конечно.

Гончар громко расхохотался.

– Козетта вечно надо мной подшучивает.

– Какие уж тут шутки? – добродушно откликнулась та. – Вы же знаете, как я вами восхищаюсь.

– Ален Делон, – зло фыркнула Магда, – апофеоз зла!

На ее замечание никто не обратил внимания.

– А тебе нравится Том Рипли? – неожиданно спросил Люсю Корги. – Не Ален Делон и не Мэтт Дэймон, а сам персонаж?

– Трудно сказать. – Она задумалась. – Скорее, мне его жалко. У него огромное количество талантов, но он не может принять себя таким, какой есть, и поэтому хочет стать другим человеком.

– И тебя не смущают его поступки?

– Да не особо, – ответил за сестру Коля. – Если бы не они, то и фильма не было бы. Интересно же само кино и его сюжет, а не оценка поступков несуществующих людей.

– Значит, ты считаешь, что произведение ведет исключительно сюжет, а не вовлеченные в него персонажи?

– Я в этом не разбираюсь, – сухо ответил Коля. – Если мне что-то нравится, я не стремлюсь отыскать причины и разобрать на составляющие, и наоборот: если не нравится, то просто не нравится.

– Это называется анализом. Разве вас в школе этому не учили?

Гончар строго посмотрел на Корги и погрозил ему вилкой.

– А как вы относитесь к Брамсу? – поспешил вмешаться Шуйский.

Люся пожала плечами.

– К сожалению, мы не увлекаемся классической музыкой.

– Все-все. – Олег Васильевич замахал руками. – Дадим ребятам поесть. Больше никаких вопросов. А то они испугаются и сбегут от меня.

И все тут же, как по мановению волшебной палочки, преклЮчилиcь на собственные разговоры.

Обсуждали жару, грохочущие машины, разгружающиеся рано утром у соседнего дома, депрессивность последней книги Уэльбека, зерновой хлеб из новой пекарни на углу, «Мастера и Маргариту» в постановке Виктюка и пребывание Демиса Руссоса в захваченном ливанскими террористами самолете.

Люся осторожно разглядывала писателя. Немного суетливый и разговорчивый, однако слушать умел и, когда кто-то говорил, мог запросто замереть с открытым ртом. Курносый нос придавал ему добродушный вид, а темные любопытные глаза следили за всем внимательно и цепко.

Люсе он показался приятным, легким в общении человеком, и она порадовалась, что им с ним повезло.

Козетта заходила несколько раз: заменила грязные тарелки чистыми, принесла блюдо с курицей и картошкой, постояла, уперев руки в бока и слушая, как Шуйский рассуждает об эффективности иммуномодуляторов, громогласно высказалась, что все это чушь, но к столу так и не присела.

И уже в самом конце обеда, когда Магда, пожаловавшись на давление, ушла, а Корги втихую под столом переписывались в телефоне, Олег Васильевич попросил их с братом уде-

лить ему немного времени.

Они проследовали за бесшумно катящимся креслом в комнату, где писатель встретил их в первый раз. На угловой этажерке возле окна стояла большая ваза с бордовыми пионами, и все вокруг утопало в их аромате.

Гончар подъехал к двери между шкафами и, раскрыв ее, пропустил ребят вперед.

Здесь было темно, но не мрачно, яркие солнечные лучи, проникая сквозь неплотно задернутые шторы, рассекали комнату на несколько частей.

В глубине стоял массивный письменный стол, заваленный книгами и бумагами, а вдоль стен, словно в музее, расположились невысокие комоды, уставленные необычными, похожими на антиквариат вещами вроде печатной машинки и больших песочных часов.

– Знаете, что это? – Остановившись напротив одного из комодов, Олег Васильевич кивнул на вертушку с иглой.

– Патефон? – предположил Коля.

– Ну почти. Это проигрыватель. Условно говоря, усовершенствованный патефон.

– Можно посмотреть? – Коля кивнул на пластинку.

Гончар аккуратно достал из розового бумажного конверта с изображением микрофона виниловый диск и зажал его между раскрытыми ладонями.

– Держать нужно вот так, ведь если пальцы попадут на до-

рожки, останется жирное пятно – и игла будет спотыкаться.

Коля осторожно взял у него из рук пластинку и надел на металлический штырек вертушки.

– Раритет, – с чувством сказал он.

Гончар довольно рассмеялся.

– У меня этого раритета полон дом.

Мелодичная легкая песенка на английском языке годов шестидесятых или около того наполнила комнату.

– Don't take this heaven from one. If you must cling to someone, – подпел Олег Васильевич высоким голосом. – Now and forever. Let it be me... Любимая песня моей сестры Оленьки. Кто ее только не исполнял! И Эверли Браверз, и Нэнси Синатра, и Шер с мужем, и Том Джонс, и Боб Дилан, и Хулио Иглесиас, и даже сам Пресли, Демис Руссос. Но на самом деле песня французская. Я пишу под нее новую книгу. И собираюсь так и озаглавить ее, потому что эта книга, как и песня, о верности сделанного выбора.

Заметив, что Люся разглядывает на стене одну из картин, Гончар поспешил к ней.

– Эта картина называется «Ежевичные сны». Мне ее подарила одна коллекционерша. Сказала, что она принесет мне вдохновение и бессмертие. Ты когда-нибудь задумывалась о том, что бессмертие возможно?

Люся пожала плечами, не понимая, при чем тут сны. На картине был лишь однотонный прямоугольник цвета ягодного мороженого.

– Вроде нет.

– Ну понятно. – Он весело махнул рукой. – В ваши годы о таком не думают. Но согласись, мы же действительно слишком привязываемся к своей физической сути и совершенно забываем про содержание. А оно, хоть и подвержено временным изменениям, разрушается совершенно иными способами.

И тут же, покосившись на Колю, писатель неожиданно громко расхохотался.

– Не пугайтесь! Вам не придется со мной скучать. Я только с виду старый, нудный и дурной, но со мной может быть интересно.

– Я и не думал пугаться, – встрепенулся Коля. – У вас удивительный дом.

– Садитесь. – Олег Васильевич указал на софу с изогнутой спинкой под окном. – Давайте перейдем к делу. Знаете, почему я позвал вас сюда?

– Вы пишете книгу, – ответила Люся, опускаясь на софу рядом с братом.

– Верно. Я написал около двух десятков книг, но самую главную все время откладывал на потом. Больше откладывать некуда.

– Вы больны? – вежливо поинтересовалась Люся.

– Милая, мне семьдесят шесть. – Гончар подъехал и нежно взял девушку за руку сухими ладонями. – Никто к этому возрасту не остается здоровым. Без помощи Корги я уже и

писать не смогу. Древние люди, провожая на закате солнце, никогда не знали, взойдет ли оно снова. Вот так и я, каждый вечер ложась в постель, понятия не имею, открою ли на завтра глаза.

Его курносое лицо сделалось печальным.

– У меня тоже была сестра-двойняшка. И мы были с ней очень близки. Очень. Уж вы-то должны понимать, как это. Чувствовали друг друга на расстоянии и читали мысли. Даже когда ей у стоматолога вырывали зуб, я ощущал эту боль. Когда она веселилась, я тоже испытывал радость, а когда мечтала, без слов понимал о чем. И она знала все про меня. Между вами есть нечто подобное?

– Постоянно, – заверил его Коля.

– Моей сестры нет в живых уже больше сорока лет, многое давно притупилось и стало призрачным, но за всю жизнь я так и не встретил никого лучше ее. И теперь хочу посвятить ей книгу. Вы же поможете мне?

– Постараемся, – заверила Люся, – только объясните, что нужно делать.

– Ничего сложного. – Улыбка писателя сделалась шире. – Всего лишь разговаривать со мной. Делиться вашими историями и мыслями. Я хочу восстановить, воссоздать с максимальной точностью эту удивительную, уникальную связь между единорожденными братом и сестрой, ведь это самый прочный союз, который только можно представить. Знаете, почему взаимоотношения разнополых двойняшек намного

крепче? Однополые, несмотря на единство, всегда борются друг с другом за самоидентификацию. А разнополым этого не требуется – они уже различны в своем единстве.

Пока Гончар это говорил, он рассеянно смотрел куда-то перед собой, но потом снова оживился:

– Ну вот, я вас уже загрузил. Обещаю не злоупотреблять этим. Сделаем график. Каждый день я буду беседовать только с одним из вас. Утром. С десяти до двенадцати, потому что во второй половине дня я становлюсь рассеянным и поверхностным. Мой мозг очень быстро утомляется, и к вечеру от меня уже нет никакого толку.

– Да, конечно, – поддержала его Люся, – это отличный график.

– Но за оплату не переживайте, – спохватился он, – каждый получит свою долю в полном объеме, как и договаривались, независимо от количества проведенных в этом кабинете часов. Надеюсь, вас это устраивает?

– Более чем! – бодро отозвался Коля; он был в полном восторге от того, как все замечательно складывается. – Начнем завтра? Можно я первый?

– А как же «Дамы вперед»? – Олег Васильевич весело подмигнул Люсе.

– Пусть идет первый, – рассмеялась она, – разведает обстановку, и я буду знать, к чему готовиться.

Писатель откинулся на спинку кресла, и его седые волосы, попав в полосу солнечного света, засияли серебром.

– Только у меня есть одно условие – небольшое, но важное. Наши с вами беседы вы не должны пересказывать друг другу. Мне необходимо услышать каждого из вас в отдельности. Понять и сопоставить то, как вы воспринимаете события самостоятельно. Насколько ваши впечатления схожи и чем различаются. Договорились?

Брат с сестрой переглянулись.

– Хорошо, – сказал Коля, – так даже интереснее.

– В какой-то момент вам, возможно, станет сложно соблюдать такое правило, но без этого у нас ничего не получится. Если кто-то из вас его нарушит, вам обоим придется уйти.

– Мы умеем хранить секреты. – Люся весело подмигнула брату.

– Еще как умеем, – подтвердил тот.

– Даже друг от друга? – Гончар испытующе смотрел, склонив голову набок.

– Если этого требуют условия игры, то запросто. – С показной решимостью Коля широко расправил плечи.

– Вот и отлично! – Писатель весело шлепнул себя по коленям. – В таком случае сегодня отдыхайте и обустройвайтесь, а если кто-то из домочадцев станет вам слишком докучать, не стесняйтесь жаловаться. У меня имеются способы их приструнить. Но мы тут все немного чудаки, застрявшие в своих порядках, поэтому рассчитываю на вашу снисходительность.

– Что скажешь? – Содрав на ходу рубашку, Коля устало развалился в кресле теперь уже их гостиной. – Как по мне, здесь даже лучше, чем я ожидал.

– Писатель вроде хороший, – согласилась Люся, устраиваясь на диване с ногами, – и остальные тоже: странные, но забавные.

– Бабка не забавная. Она на меня так страшно зыркала. Люся засмеялась.

– Магда совершенно обычная пожилая женщина, не волнуйся.

– Ты ее кольца видела? А взгляд?

– Коль, давай ты только здесь не будешь демонстрировать свои фобии?

– Думаешь, я нарочно?

– Я думаю, что все наши личные капризы, фобии и комплексы стоит отложить до лучших времен. О такой жизни мы могли только мечтать. – Резко выпрямившись, Люся очень серьезно произнесла: – Я клянусь, что не буду ни на что жаловаться и стану соблюдать все-все правила этого дома, лишь бы Олег Васильевич оставил нас здесь подольше!

– Питание суперское. – Коля шутливо похлопал себя по голому животу. – А что скажешь про его книгу и эти разговоры «о нас»? Ты действительно сможешь держать все в секрете?

– Конечно. Мы же пообещали.

– Да ладно... – Он недоверчиво покосился на сестру. –

Все же понимают, что это условность.

– Ничего не условность. – Легкомыслие брата ее поразило. – Хочешь, чтобы нас выгнали?

– Нет, конечно. – Он рассмеялся. – Это я тебя проверял. Хотя... Как он узнает, если вдруг что-то такое произойдет?

– Не узнает, но меня замучает совесть.

– Меня совесть не волнует, но что из этого выйдет – любопытно.

В Колином кармане пикинул телефон, и он отвлекся, чтобы ответить на сообщение, а Люся вскочила и в очередной раз побежала осматривать квартиру, не в силах поверить, что все это, пусть и на короткий срок, но принадлежит им двоим.

Глава 3

Дневной свет в распахнутых окнах медленно угасал, постепенно сменяясь ясной пеленой июльской ночи.

Коля, определившись со спальней и закончив разбор вещей, заснул еще до десяти, едва коснувшись головой подушки.

Люся тоже легла. Но сон, несмотря на усталость, не шел. День выдался чересчур насыщенный, и впечатления теснились в голове, не давая сознанию успокоиться.

Еще месяц назад она и вообразить не могла, что будет жить в квартире с таким огромным количеством комнат, в историческом центре Москвы, да еще и бесплатно.

Месяц назад она думала только о том, где бы взять деньги и как успокоить брата.

О том, чтобы стать гражданским пилотом, Коля мечтал с двенадцати лет и примерно тогда же твердо решил, что после окончания школы поедет в Москву – поступать в институт гражданской авиации. Однако их бабушка по этому поводу иллюзий не питала и была уверена, что этого института Коле не видать как своих ушей.

«В Москве все по благу, поэтому ты никогда не поступишь на бюджет, – вдалбливала она ему. – А чтобы поступить на платное, нужны безумные деньги!»

И тогда Коля принялся копить. Сначала он экономил на

всем, чем мог, стоило хоть сколько-нибудь незначительной сумме оказаться у него в руках; собирал мелочь возле железнодорожных касс, а немного повзрослев, начал подрабатывать: то снег на автостоянках расчищал, то объявления расклеивал, то машины у продуктовых лавок разгружал, а последние два лета подвизался помогать знакомым отца перекрывать крыши на дачах. Люся тоже принимала участие в Колиных накоплениях, ей казалось очень важным найти деньги на Колину учебу, потому что у нее такой глобальной мечты не было, и когда они заканчивали школу, то решили, что она подаст документы в любой вуз, куда при неплохих баллах ЕГЭ ее могут взять на бюджет.

К концу одиннадцатого класса у них набралась значительная сумма, с которой после окончания школы они собирались отправиться вместе в Москву. Ее хватило бы на оплату одного или даже двух лет Колиной учебы в институте и на съем квартиры на двоих. Коля сразу сказал, что ни о каких общежитиях речи не идет и что они будут жить вместе, потому что всегда было так. Он готовился серьезно и все продумал.

Деньги эти хранились в их с Люсей комнате за стенкой возле Колиной кровати. После смерти бабушки Люся собиралась перебраться в ее комнату, но никак не могла решиться – ей казалось, бабушкин дух все еще витает там.

И вот как-то раз в мае, перед последним звонком, Коля вернулся домой из школы и обнаружил, что денег в тайнике

нет.

Долгих выяснений не потребовалось. Отец сразу сознался в содеянном, объяснив, что у него накопились долги, которые пришлось срочно отдавать.

Отец не ужасный человеком, но он увлекающийся и слабый. Люся прощала ему это, а Коля не мог.

Всю следующую неделю, убиваясь по потерянным деньгам, брат кидался на отца, что вполне понятно. Люся тоже очень переживала, но кому-то из двоих требовалось сохранять спокойствие. Она утешала Колю и пыталась если не простить отца, то хотя бы относиться к нему без ненависти.

Спустя пару недель отец обратился именно к ней, а не к сыну.

– Можно с тобой поговорить? Спокойно, без нервов? – Он прошел к ней в комнату и остановился на пороге. – Не обижайтесь на меня, ладно? Я отдам эти деньги, клянусь.

– Может, ты и отдашь – когда-нибудь потом, но нам нужно сейчас. Ты поступил ужасно, и я пойму Колю, если он тебя не простит. Как можно потратить столько денег? Ты играл?

Отец пристыженно опустил голову. Большой, высокий, с зачесанными назад светло-русыми волосами, бородой, принимая виноватый вид, он уменьшался раза в два.

– Все будет хорошо. Честно. Я обещаю! – Быстрым шагом отец пересек комнату, опустился на край кровати и взял Люсю за руку. – Котенок, я же все делаю ради вас. Как ты не понимаешь? Все-все. Всегда...

Люся испытывала смешанные чувства. С одной стороны, она, конечно же, любила его. Отец играл с ними в детстве, рассказывал небылицы, ни к чему не цеплялся, не читал морали и не занудствовал. Но как родитель был совершенно безответствен и равнодушен: никогда не знал, где они и что с ними происходит, не интересовался ни учебой, ни спортивными успехами Коли, ни Люсиными рисунками, ни чем-либо еще, не касающимся его самого.

– Ты ничего для нас не делаешь, – сухо сказала Люся.

– Я хочу загладить свою вину.

– Собираешься вернуть деньги?

– Обязательно! Но не прямо сейчас.

– Все ясно! – Она отодвинулась. – Тогда нам не о чем с тобой разговаривать.

– Подожди! Просто послушай. У меня есть для вас интересное предложение. Это отличная возможность немного заработать и отправиться в Москву. Вы же хотели в Москву?

– Сколько заработать? – Вопрос поиска денег стоял особенно остро, и Люсю намного больше волновала сумма, нежели то, что понадобится делать для того, чтобы ее получить.

– Не то чтобы очень много, но это деньги и это Москва. Притом бесплатное проживание и содержание – шикарные условия. Поедете, осмотритесь, появится возможность позже найти работу. – Отец, который в жизни не проработал ни одного дня, говорил это с такой уверенностью, что Люсе ста-

ло любопытно.

– Ладно. И что же от нас потребуется?

– В общем, история такая. – Отец оживился. – У меня есть одна приятельница – Саша. Она соцработница в негосударственной компании, курирующей в основном людей богатых и выдающихся. Бизнесменов, спортсменов, деятелей искусства, публичных персон и всяких других. Так вот, у нее на попечении один известный писатель – Олег Гончар. Слышала про такого?

Люся помотала головой.

– Когда-то его все знали. Но суть не в том. Сейчас он пишет книгу. Угадай, о чем она? О разнополых двойняшках. Понимаешь, да? Ну и вот, когда Саша вскользь упомянула, что она тоже знает таких, не лично, конечно, но я много ей о вас рассказывал, Гончар очень заинтересовался и захотел с вами познакомиться. Саша сказала, что вы живете далеко, а он ответил, что готов пригласить вас к себе и даже выплачивать гонорар как консультантам. Представляешь? – Отец с восторгом посмотрел на Люсю.

– Ерунда какая-то. – Люся поморщилась. – Мало ли кто чего болтает.

– А вот и не ерунда! Я потом лично связался с ним – позвонил и поговорил. И это не болтовня, – торопливо заговорил отец, словно опасаясь, что дочь его выгонит. – Гончар на самом деле готов поселить вас у себя и платить по пятьдесят тысяч каждому. Пятьдесят тысяч! Это же настоящая зарпла-

та. Саша говорит, что у него квартира в центре Москвы и он страшно богат.

– И за что же он собирается нам платить?

– Просто за разговоры. О таком можно только мечтать! Я, как услышал, сразу понял, что разобьюсь, но устрою вам это. Думаешь, я не понимаю, как виноват?

– Все, давай не будем.

У Люси имелись все основания ему не верить. Отец был еще тот аферист: плут и игрок.

– Просто расскажи об этом брату. Со мной он разговаривать не станет, а тебя хотя бы выслушает. Скажи, я хочу реабилитироваться. Только подумай: если вы отправитесь в Москву сразу после экзаменов, то у вас до сентября будет два месяца. Этих денег должно хватить на учебу, хотя бы на первое время, а потом я еще что-нибудь придумаю.

Он еще долго увещевал ее, соблазняя преимуществами Москвы, о которых Люся и без него знала. И ему удалось все же зародить в ней интерес.

Но только когда Коля сам созвонился с Гончаром и убедился, что все это чистая правда, они принялись обсуждать поездку в Москву.

Дверь в спальню Люся оставила открытой. Она никогда прежде не спала так далеко от брата и потому чувствовала себя несколько неудобно. Дома они жили в одной комнате, разделенной фанерной перегородкой, что позволяло беспре-

пятственно болтать, лежа в кровати. А теперь, прислушиваясь к тишине огромной квартиры, нарушаемой звуками ночного города, она не могла даже различить его привычного похрапывания.

Внезапно из глубины коридора до ее слуха донесся глухой стук и щелчок замка. В комнату ворвался сквозняк, занавески взметнулись, и Люся подскочила на кровати.

Где-то открылась дверь.

Прошлепав босиком до коридора, она осторожно выглянула. Со стороны черной лестницы к ней двигалась светлая фигура.

– Не бойся, это я, – громко сказал Корги. – Вы чего без света? Спите уже? А я вот карты взял и фишки. Думал, в покер поиграем.

– Какой покер? – прошептала Люся, опасаясь разбудить брата. – Поздно уже.

– Еще двенадцати нет.

Корги подошел и остановился напротив нее. В руках у него была круглая металлическая коробка с набором для покера и бутылка шампанского.

– Когда я узнал, что вы приедете, очень обрадовался. Знаешь, какая скукота сидеть тут с этими стариками!

В темноте его лицо, оттеняемое белой футболкой, казалось призрачным.

– Коля спит. – Люся не хотела показаться невежливой, но столь бесцеремонное вторжение ей не нравилось.

– Но ты-то не спишь. – Парень помахал бутылкой. – Давай просто посидим поболтаем хотя бы полчасика. А то я в такую жару почти не сплю, если только в саду.

– Здесь есть сад? – удивилась Люся.

– Не совсем сад, но я его так называю. Там гораздо прохладнее и можно спать прямо на лавочке. Хочешь, покажу?

– Нет, спасибо. На лавочке я могла бы и в Первомайском спать.

– Значит, мне уйти? – Голос его прозвучал так печально, что Люся почувствовала себя злодейкой. В конце концов, она же еще не спала и даже не хотела.

– Ладно, полчасика, не больше.

– Ура! – Обойдя ее, Корги прошел в гостиную и зажег свет.

Люся осторожно прикрыла дверь в комнату брата и сходила к себе, чтобы накинуть халат, а когда вернулась, Корги уже разливал шампанское по высоким хрустальным бокалам.

– Ты извини, что я так на тебя пялюсь, – безо всякого стеснения заявил он. – Я никогда не встречал разнополых близнецов. Просто удивительно, как вы похожи. И в то же время нельзя сказать, что твой брат напоминает девушку, а ты парня. Вы для меня – чудо природы. Я обязательно должен тебя нарисовать.

Передав ей бокал, он присел на край дивана.

– Брата твоего тоже нарисую, но сначала тебя. Ты же не

против?

На золотистой поверхности шампанского шумно лопались крохотные пузырьки.

Люся заняла кресло, где до этого сидел ее брат.

– Рисуй, конечно.

– А давай ты меня тоже нарисуешь, – весело рассмеявшись, предложил Корги и убрал рассыпающиеся волосы назад. – Меня еще никто не рисовал.

– Ну ты что. – Люся развеселилась. – Я же просто рисую – для себя.

– Так и я рисую для себя. Все для себя рисуют.

Люся поймала себя на том, что постоянно смотрит на его тонкие, но очень подвижные губы, которые то растягивались в широкую белозубую улыбку, то печально изгибались, то насмешливо кривились в саркастической усмешке.

– Ты рисуешь профессионально, а я никому, кроме брата, свои работы не показываю.

– Зря, – произнес он назидательно, – так ты никогда ничему не научишься.

– А я и не собираюсь учиться, это так, хобби. Когда я рисую, мне становится легче на душе и голова проясняется. Понимаешь? Я не стараюсь, чтобы получилось красиво, а только освобождаюсь от чего-то, что копится внутри.

– В этом и есть суть творчества – высвободить его из себя любыми доступными способами.

– Почему тебя зовут Корги? Только честно.

– Потому что моя мама разводила этих псов, и я постоянно пристраивал всем друзьям и знакомым щенков. Вот и прилипло. Смотри, что у меня есть. – Он выудил из-под футболки серебряную цепочку с кулоном.

Люся присела рядом с ним на диван, и Корги чуть наклонился вперед, чтобы она могла рассмотреть кулон – маленькую коротконогую собачку с большими ушами.

– Это мой талисман. Мама подарила. Она теперь тоже зовет меня Корги.

От него приятно пахло восточными благовониями.

– А как по-настоящему тебя зовут?

– Кажется, Сева или Сеня, а может, и Степа. Не помню точно, но что-то дурацкое.

Люся выпустила кулон, и парень откинулся на спинку дивана.

– А знаешь, почему нас так называли? – Люся хитро посмотрела на него. – Никогда не догадаешься.

– Наверное, в честь Николая и Людмилы.

– Каких еще Николая и Людмилы?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Каких-нибудь.

– Нет. Даже близко не попал. Коля – это от конопли. А Люся – от ЛСД.

Она с интересом следила за его реакцией. История происхождения их имен обычно имела огромный успех. Этот раз не стал исключением. Голубые глаза Корги округлились, а рот приоткрылся от удивления.

– Наши родители когда-то давно продавали наркотики. И называли нас просто по приколу.

– Lucy In The Sky With Diamonds, – пропел Корги. – Знаешь такую песню?

– Еще бы! Это почти мой гимн. – Она отпила еще немного шампанского. – Ты просто представить не можешь, сколько на нее существует каверов.

– Стесняюсь спросить, а что родители? Завязали с этим?

– Они не употребляли, продавали только. Долгая история, – нехотя отозвалась Люся, – и неинтересная. Но после нашего рождения больше этим не занимались.

– Ну понятно. – Губы Корги иронично изогнулись, и он поднял бокал, словно собираясь сказать тост. – Каждый сходит с ума по-своему. Кто-то разводит собак, а кто-то продает наркотики.

Подняв голову, она поймала его взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Не сделав и глотка, Корги поставил бокал на столик. Руки у него были крепкие, а ладони большие. Он явно уступал Коле и в росте, и в ширине плеч, но сила в нем ощущалась.

– А почему вашу Козетту так зовут? – торопясь избавиться от неловкости, спросила Люся. – Это же героиня Гюго, маленькая девочка. Почему здесь у всех такие странные имена?

– На самом деле она Татьяна Тимофеевна Козина. А прозвище придумали ее ученики. В прошлом она преподавала. Только это секрет. Здесь никто не любит, когда о них рас-

сказывают не так, как они сами себя представляют.

– Этого нигде не любят. А Магда – это тоже прозвище?

– У тебя очень красивые глаза, – вместо ответа сказал Корги, вскакивая с дивана. – Давай я нарисую тебя прямо сейчас. Идем ко мне!

Он протянул ей руку.

Опомнившись, Люся встала, не приняв его помощь.

– Полчаса прошло. Я иду спать.

– Ты чего? – Корги встревожился. – Извини. Это обычный порыв вдохновения. У меня иногда так бывает, ни с того ни с сего. Вдруг как в один момент накатит – и нужно срочно бежать, чтобы что-то с этим сделать.

– Беги, конечно. – Люся взяла со стола коробку с принадлежностями для покера и отдала ему. – Завтра поиграем. И шампанское забирай. Там полбутылки.

– Эй. – Он вдруг посерьезнел. – За кого ты меня принимаешь? К тому же я его терпеть не могу.

– А зачем тогда принес?

– Вам. Подумал, захотите отметить новоселье.

– Если честно... – Люся посмотрела на столик, где остались два почти нетронутых бокала. – Я его тоже терпеть не могу.

Они рассмеялись, и внезапно создавшееся напряжение рассеялось.

Проводив Корги до лестницы, Люся задержалась возле двери.

– Скажи, а можно как-то получить этот ключ? Мне не нравится, что кто угодно может заявиться сюда посреди ночи.

– Что значит кто угодно? Только я, Шуйский и Козетта. Олег Васильевич и Магда пользуются лифтом и с этой стороны к вам не попадут. Я вообще не помню, чтобы они поднимались выше второго этажа.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Слушай, моя квартира тоже всегда открыта. И за все время, сколько я здесь живу, меня до сих пор никто не украл.

– Спокойной ночи! – Люся захлопнула дверь с твердым намерением озадачить завтра Колю решением этого вопроса.

Ей снилось, как она пробирается через толпу, окружающую уличных музыкантов на площади возле метро. На пути то и дело возникают какие-то люди и мешают ей пройти, но звучит «Вива ла вида», и Люся знает, что эта песня предназначена ей. А когда ей наконец удастся выбраться, она с удивлением обнаруживает, что на месте уличных музыкантов стоит Корги с патефоном Олега Васильевича и говорит ей: «Это всего лишь обычный порыв вдохновения».

Глава 4

Их отец с матерью познакомились на рок-фестивале под открытым небом, когда обоим было по двадцать. И через два дня, еще до окончания фестиваля, поженились. Неофициально, конечно, потому что для этого нужно было подавать документы в загс, ждать месяц и как минимум протрезветь, но их обвенчал семинарист-недоучка, борода и ряса которого стали вполне убедительным доказательством того, что этот брак заключается на небесах.

В то же лето они вместе с друзьями укатили на Казантип и прожили там дикарями до сентября. А потом, в надежде продлить каникулы, поехали к отцу в Узбекистан, но его семья не очень-то обрадовалась маме – с учетом того, что официально их брак оформлен не был, да и делать, как оказалось, в этой глухомани нечего. Никаких тусовок и развлечений. Работать мать с отцом не собирались, об учебе речь и не шла. Зато с наркотиками там было даже проще, чем на Казантипе. И за ту пару недель, что они пробыли в Узбекистане, отец успел организовать маленький наркоторговый бизнес, пообещав своим школьным друзьям наладить рынок сбыта в обеих российских столицах. Благо за лето он успел обрасти огромным количеством знакомых из Москвы и Питера, которые за коробок хорошей шмали могли отвалить кучу денег. Отец с мамой перебрались в Питер, сначала жили в

каком-то божественном притоне, а как только бизнес стал налаживаться, расписались и сняли комнату в коммуналке. Лет пять так жили, ничего не делая, развлекаясь и предаваясь духовному познанию мира.

Потом их лавочку накрыли. Кого-то арестовали, кого-то посадили, отцу чудом удалось сбежать, и около месяца он жил где придется. А когда вернулся, решили переехать в Пензенскую область к бабушке, и, чтобы та согласилась принять семейку бездельников, маме срочно пришлось забеременеть.

На самом деле мама всегда была со странностями. Одно то, что она надумала рожать дома в ванной, несколько лет обсуждала вся округа, не говоря уже о торжественном захоронении плаценты под столетней сосной.

Прожив с нами чуть больше пяти лет, мама свинтила, отправившись волонтером в добровольческую организацию, но через полгода вернулась и сразу уехала на реставрацию церкви; после, увлекшись религией, немного пожила в монастыре, затем перебралась в поселение родноверов, а последние года три жила в какой-то коммуне и даже на похороны бабушки не приехала – сказала больная.

Коля с Люсей ее толком не знали и привязанности к ней не чувствовали, впрочем, как и негатива. Ее в их жизни просто не было – чужой человек.

С отцом же все обстояло иначе. Он никуда не сбегал, а очень даже неплохо обосновался на бабушкиной шее. Пить

он не пил, с наркотиками завязал, скандалы не устраивал, охотно сидел с детьми и во всем слушался бабушку. Соседи в нем души не чаяли. Он отличался обаянием и умением ладить с людьми. И все ничего, вот только работать он не хотел, но зато регулярно играл: то в карты, то на автоматах, а как освоил онлайн-казино, так и вовсе из дома перестал вылезать. Деньги на свои игры он где-то находил: или отыгрывался, или проворачивал мелкие сделки из серии толкнуть на «Авито» «раритетный» хлам советской эпохи, собираемый практически задарма у дачников из близлежащих поселков.

А потом отец вдруг открыл в себе дар целителя человеческих душ и завел свой ютуб-канал. Нахватавшись по верхам религиозно-философских очевидностей, он с глубокомысленным видом рассказывал людям, как справляться с жизненными трудностями, преодолевать черные полосы, эффективно формулировать послания Вселенной и зарабатывать много денег.

Когда канал начал приносить доход, отец и вовсе перестал выходить из дхьяны к делам мирским и полагал, что любое сопротивление жизненному потоку чревато бесполезной, а иногда и опасной тратой энергии. Все должно идти так, как идет. К этому Коля с Люсей привыкли. Недеяние в действии и действие в недеянии. Папа был далек от них, как Гаутама Будда от крепостных крестьян Российской империи.

Шторы в кабинете Гончара были раздвинуты, и его заливал утренний свет. Окна выходили в сквер, и густо разрос-

шаяся зелень мягко рассеивала лучи еще не успевшего раскалиться солнца. В воздухе еще витали остатки ночной свежести, и дышалось легко.

Олег Васильевич сидел за письменным столом.

Коля бодро постучал в раскрытую дверь и вошел.

– Доброе утро. Можно?

– Конечно! Прощу! – жизнерадостно воскликнул Гончар, делая широкий жест. – Присаживайся. Мне уже не терпится начать! Я заготовил для тебя тысячу вопросов. Но не пугайся, мы будем двигаться постепенно.

Коля прошел и сел на приготовленный для него мягкий стул с подлокотниками.

– Так тебе удобно? Сначала хотели поставить кресло, но решили, что энергетика стула для наших задач лучше подходит. Энергетика стула, – повторил Гончар, – интересный образ. Что-то в нем есть, правда?

– Спасибо. Стул подходит, – Коля откинулся на спинку.

– Ты же не против, если я буду записывать нашу беседу? – Писатель показал Коле небольшой черный диктофон. – Чтобы не отвлекаться. Потом обработаю материал. Обработаю материал, – снова повторил он задумчиво. – Канцелярские обороты засоряют нашу речь почище слов-паразитов.

– Записывайте. Мне без разницы.

– Итак... – Олег Васильевич широко развел руками, словно охватывая поверхность всего стола, на которой перед ним лежал диктофон, пухлый блокнот, золотистая ручка и очки

с прямоугольными стеклами. – Приступим?

Как перед ответственным экзаменом, Коля расправил плечи и сделал глубокий вдох.

– Я готов.

– Давай поступим так: я буду задавать тебе вопрос, но ты можешь рассказывать о чем захочешь. Просто о себе и сестре. О ваших взаимоотношениях, похождениях, переживаниях, радостях и ссорах. Мне все-все про вас интересно.

– Мы почти всегда вместе, и с нами чего только не происходило, – оживился Коля. – Могу рассказать, как мы нашли заблудившуюся в лесу девочку, как собирали деньги на операцию для математички, как учились читать мысли. А еще однажды устроили настоящий школьный бунт.

– Это очень хорошо, – одобрил Олег Васильевич, – но давай сначала поговорим о ваших вкусах и предпочтениях. Что вы любите одинаково сильно, а в чем различия?

– Трудно вот так сразу вспомнить... – Коля наморщил лоб. – Сестра любит маслины, а я их терпеть не могу. Зато люблю квашеную капусту и соленые огурцы, а она нет. Она любит вареное мясо, сыр, зелень, орехи и ягоды, а я – шашлыки, макароны, пельмени и супы. А вместе мы фанаты мороженого, арбузов и яблочной пастилы.

– Этот вопрос не только о еде. Он шире.

– Извините, – спохватился Коля. – Она предпочитает книги, а я кино, она меломанка, я больше по спорту, ей нравится порядок, мне же на него плевать, Люся старается не спешить

в принятии решений, а мне нужно все и сразу, она доверяет интуиции, я – фактам...

– Хочешь сказать, что вы совершенно разные люди?

– Ну что вы? Мы не можем быть совершенно разными, потому что вместе росли, воспитывались, ходили в один класс и друзья у нас общие.

– То есть, скажем, если бы рядом с тобой с момента рождения находился ребенок из другой семьи, ничего бы не изменилось?

Коля недоумевающе посмотрел на писателя.

– Как не изменилось? Мы же с Люсей очень похожи. Вы сами видели.

– Получается, дело только во внешности? И ваша близость ограничивается лишь этим?

– Ладно, я понял. – Коля пробежал глазами по стенам с картинами. – Вы хотите спросить про связь – есть ли она между нами, потому что сходство и связь – это разное.

Губы писателя довольно растянулись, отчего глаза сделались совсем крохотными, а курносый нос вздернулся еще сильнее.

– Я очень рад, что ты осознаешь это. Значит, мы двигаемся в верном направлении.

– Однажды Люсю в бассейне ударила током сушилка для рук. А я в это время был еще в воде, и когда это произошло, у меня неожиданно свело обе ноги. Никогда раньше ноги не сводило, а тут сразу две. Хорошо, тренер оказался рядом.

А еще Люся как-то пошла в магазин и на обратном пути к ней привязались два алкоголика. Она тогда так сильно испугалась, что я сразу понял: что-то случилось, и – как был в домашнем – рванул в магазин. К счастью, наткнулся на них неподалеку от дома. Вот такая связь у нас есть – это правда.

– Это хорошо. – Гончар сделал вид, будто что-то записывает. – Выходит, вы способны передавать друг другу чувства боли и страха. А какие-то другие эмоции? Скажем, положительные. Радость? Счастье?

– Никогда о таком не задумывался, наверное потому, что от счастья не сводит ноги в бассейне, – усмехнулся Коля. – Но если повспоминать, скорее всего, найдутся примеры.

Вообще, мы с сестрой живем очень дружно. С самого рождения. Ссоримся иногда, но без злости и больше от скуки. Люся порой «маму» включает и цепляется с поучительными замечаниями вроде: «руки не моешь», «постель не заправил», «громко жуешь», «мусор не выкинул», «не стрижешься». А я разыгрываю ее: могу жабу в кровать подсунуть, или в квас папиного пива подлить, или сфоткать в некрасивом виде, чтобы она просто пофыркала. Бывает, и повозимся, типа деремся, но никогда ничего такого, что не закончилось бы перемирием или смехом.

– Получается, вы очень близки?

– Конечно, близки. У нас, кроме друг друга, никого нет. Можно ведь про родителей не рассказывать?

– Я бы с удовольствием послушал и про них, но на нет

и суда нет. – Олег Васильевич снова уткнулся в блокнот. – Скажи, а тебе когда-нибудь хотелось быть одному, самому по себе? Ты уникальный и неповторимый – как другие люди?

– В смысле, без сестры? – удивился Коля. – Не! Она делает меня намного более уникальным. У нас в поселке нет больше такой двойни, как мы. Нас все знают, мы особенные. Некоторые люди даже специально с нами знакомятся, им интересно нас сравнивать. Да и потом, что бы я делал один? Подыхал от скуки и одиночества?

– Хорошо, допустим. Ну а если бы у тебя был брат. С братом же намного интереснее – общие увлечения, проделки.

– В том, что касается проделок, Люся не уступит ни одному парню. – Коля невольно рассмеялся.

– Значит, тебя не смущает, что она девочка?

– Ни капли. В этом даже есть плюсы. Благодаря ей я научился отлично ладить с девушками, понимаю их и умею подстраиваться.

Гончар одобрительно покачал седой головой.

– Что ж, это всем плюсам плюс. У тебя есть девушка, который ты встречаешься?

Коля неопределенно пожал плечами.

– Сейчас нет.

В школе и, пожалуй, даже в поселке он пользовался повышенным вниманием со стороны женского пола: он отлично сложен, разговорчив, излишней стеснительностью не страдал и занимался спортом.

И после расставания со своей первой любовью Вероникой успел повстречаться с пятью или даже шестью местными красотками без каких-либо привязанностей и клятв.

– А у твоей сестры есть парень?

– Нет и не было.

– Почему?

– Не нравится никто.

– Но ведь рано или поздно это произойдет, и как ты отнесешься к тому, что Люся полюбит кого-то сильнее, чем тебя?

– Да хорошо отнесусь. – Коля пожал плечами. – Я хочу, чтобы она нашла себе нормального парня.

– А нормальный – это, по-твоему, какой?

– Нормальный – это нормальный.

– Нормальных не будет! – Гончар пристально посмотрел на него из-под бровей. – Просто знай. Ты думаешь, что нормальный – это кто-то похожий на тебя, но другого такого нет. Да если бы даже и нашелся, ты все равно не признал бы этого.

Люся дожидалась брата, сидя на полу перед книжным шкафом в библиотеке их квартиры и обложившись книгами Гончара. Их было двадцать две, и Люся твердо решила прочитать хотя бы три из них. Стоило сделать это раньше, когда они только собирались ехать сюда, но подготовка к сдаче ЕГЭ отнимала у нее все время и силы.

Теперь свободного времени предостаточно, и знакомство с творчеством хозяина дома она считала как минимум ча-

стью этикета. Будет стыдно, если писатель подумает, что они с братом пренебрегают им, используя лишь в своих интересах. Это может расстроить его и обидеть, а им нужно продержаться здесь как можно дольше.

В глубине души они с братом надеялись, что писатель позволит им остаться в этом доме и после начала учебы в университете.

– Как все прошло? – Люся отложила книгу.

– Я же не могу рассказывать. – Коля опустил рядом с ней, взял бутылку с водой и залпом выпил половину.

– Просто скажи, как тебе.

– Нормально. Обычная болтовня. Ничего сложного.

– Было что-то такое?

– Какое такое?

– Ну то, из-за чего он просит нас не говорить друг другу, о чем шла речь?

– Да нет, не волнуйся. Просто расспрашивал, что любишь ты, а что я. Еда, увлечения, вещи. Думаю, станет просто сравнивать и смотреть – совпадет или нет.

– Интересно, как ему это поможет с книгой.

– Кто его знает? Я вообще не понимаю, как эти книги пишутся. – Коля поднял один из увесистых томов, быстро пролистал и откинул в сторону. – Много прочла?

– Даже не выбрала, с какой начать.

– Я по-прежнему считаю, что можно ограничиться краткими пересказами.

– Если бы они существовали, выбор был бы легче.

– Может, мы плохо искали?

Перед тем как дать согласие приехать сюда, Коля почитал о Гончаре в Википедии, посмотрел его старые фотографии с официальных мероприятий, вскользь проглядел перечень написанных им книг. И посчитал, что этого вполне достаточно.

– Мы хорошо искали. Гончара в школе не проходят, а во времена его популярности интернета еще не существовало.

– Тогда у тебя есть шанс оставить свой след в истории, став единственным автором краткого пересказа книг Олега Гончара, – рассмеялся Коля, раскрыв другую книгу и тут же ее захлопнув. – О, я придумал! А что, если попросить сделать это кого-нибудь из местных обитателей? Раз Корги его помощник, то он наверняка читал все.

– Скорей всего. Во всяком случае, ты можешь попытаться это узнать.

– А чего я? Разве не ты с ним уже так подружилась, что пьешь шампанское по ночам?

– Мне стыдно признаваться, что я не смогу это осилить.

– Просто спроси, с какой книги начать. Пусть порекомендует. А потом вытянешь из него подробности.

– Ну что ты! Я же мигом забуду. Здесь даже не все. – Люся обвела рукой раскиданные книги.

– Главное, запоминай название и финал, – поучительно сказал Коля. – Финал в книге – самое главное.

– Сказал тот, кто не любит читать.

– И что? – ответил он возмущенно. – Я перечитал всю школьную программу. Не любить читать и совсем не читать – это не одно и то же. Ты, кстати, в курсе, что все книги пишутся ради финалов?

– К твоему сведению, я тоже была на том уроке литературы, когда Галина нам про это рассказывала.

– Тогда ты должна помнить, что, если не знаешь, что сказать об идее произведения, просто пересказывай финал.

– Мы опоздаем на обед! – Люся резко вскочила. – Нужно же еще успеть переодеться!

– Зачем? – удивился Коля.

– Ты не заметил, что все приходят нарядные?

– И что?

– А то, что мы с тобой будем делать все-все, чтобы соблюдать здешние правила.

– Даже если они будут молиться?

– Даже молиться. – Люся показала ему кулак. – Забыл, что мы делаем это ради твоего универа?

– Ладно-ладно, я же шучу. – Коля выставил перед собой ладони. – Мне несложно переодеться. Просто это забавно.

– Ничего забавного. Тебе же сказали, что обед – это для них важно.

– Но почему именно обед? Я еще понял бы – ужин. Так во многих семьях принято: собираться всем вместе после рабочего дня. Торжественный ужин – распространенное явление.

Но на вчерашнем ужине не было бабки. А Корги пришел в футболке, напоминающей половую тряпку и, пока ел, не вылезал из телефона. Гончар вообще ни с кем не разговаривал. И, если бы не Шуйский, я бы умер со скуки.

Люся подошла к нему вплотную. Часть собранных наверх волос рассыпалась по плечам, серые глаза смотрели с родительской строгостью.

– Тебе не нужно ничего понимать! – с нажимом произнесла она. – Мы живем в шикарных условиях, нас кормят, поят и за это еще заплатят деньги. Какие вообще могут быть вопросы?

Глава 5

Из-за одной неприятной детской истории Коля очень боялся старых женщин.

В одиннадцать лет он заболел корью. Люся тоже заболела, но она поправилась быстро, а у него начался отит. Ухо воспалилось так, что температура подскочила до тридцати девяти, голова раскалывалась, есть было больно, а спать он совсем не мог. Едва начинал дремать, как сильнейший спазм вновь выдергивал его из успокаивающего забытья. Курс антибиотиков, которые прописал врач, не помог.

Коля не находил себе места и совершенно измучился. В те дни он часто оставался дома один: бабушка работала, Люся училась, папа до вечера уходил неизвестно куда.

Когда лежать в постели становилось совсем невыносимо, он надевал длинный болоньевый плащ, который по возвращении тщательно протирали, чтобы бабушка ничего не заметила, и отправлялся гулять по окрестностям. Движение отвлекало от боли, но восприятие реальности притупилось. И все, что обычно его интересовало и приносило удовольствие, отошло на второй план, затуманилось и стало казаться неважным. А те вещи, которые он прежде совершенно не замечал, неожиданно проступили с необыкновенной ясностью.

Жук, попавший в бочку с водой, запутавшаяся в паутине

бабочка, стрекоза, бьющаяся в стекло теплицы, мышеловки, расставленные в сарае, крысиная отравка. Он стал обращать внимание на раздавленных на дорожке улиток, мух, прилипших к развешанным под потолком клейким лентам, — микроскопические жизни, которые не представляли ни для кого ценности.

Стоял октябрь. Еще не особенно холодно, но уже серо и сыро.

В тот день он отправился на речку. Миновал деревенскую часть поселка, прошел через пролесок, спустился по склону берега и, покидав в темную печальную воду камни, уже собирался возвращаться назад, как вдруг среди зарослей камышей заметил женщину — бабушку в длинной цветастой юбке и ярко-голубом платке.

Она ждала, притаившись, а как только поняла, что Коля ее заметил, полезла через сухие камыши к нему.

Он хотел сразу уйти, но подумал, что это будет выглядеть так, словно он испугался, поэтому терпеливо дождался, пока она не окажется рядом.

Бабушка была страшная: маленькая, почти одного с ним роста, сморщенная, с белым слепым глазом и ввалившимся ртом, подошла почти вплотную и, рисуя пальцем в воздухе перед ним какие-то знаки, принялась бормотать: «Будут слезы, будешь сыт, будут слезы, будешь сыт, будут слезы...»

Попятившись, Коля приготовился убежать, однако бабушка

вдруг взмахнула рукой – и ему в лицо полетела сухая трава с комьями земли.

Вскрикнув, Коля закрылся локтем, но было поздно. В глазах зашипало, как от перца. Он принялся их тереть, но становилось только хуже. Хлынули слезы, из носа тоже потекло. Отступив назад, Коля запнулся и сел на землю.

– Что ты сделала? – закричал он и тут почувствовал, как бабка запустила пальцы ему в волосы и, не переставая бубнить себе под нос, принялась их перебирать.

Коля хотел ее оттолкнуть, но никак не мог оторвать руки от лица, поэтому свалился на бок и стал извиваться, пытаясь не подпустить бабку к себе.

И тут его голой кожи между лопаток коснулось нечто ледяное. Он и сам не понял, как это произошло, ведь он был в плаще и свитере. По ощущениям это было похоже на лезвие ножа, вспарывающего его одежду. Коля сделал над собой усилие, отнял руки от глаз, встал на четвереньки и пополз.

И тогда с громким пронзительным визгом бабка запрыгнула ему на спину. Уселась, свесив ноги, и он услышал странные щелкающие звуки.

«Будешь сыт, будешь сыт», – приговаривала бабка с каждым щелчком.

Два раза он делал попытку ее скинуть, но оба раза острое лезвие впивалось ему в плечо. Тут почва под ладонями стала влажной, вязкой, и руки его по локоть погрузились в воду. Коля догадался, что дополз до реки, и, не раздумывая, бро-

сился в нее. Бабка заверещала и свалилась. Обжигаемый холодом, Коля нырнул и поплыл. Плащ сковывал движения, сапоги отяжелели и тянули вниз. Скинув их, Коля с огромным усилием открыл под водой глаза. Жжение прекратилось, но воздух в легких заканчивался. Вынырнув метрах в десяти от берега, он увидел сидящую на корточках у воды бабку и принялся изо всех сил плыть вниз по реке. Не будь Коля отличным пловцом, он в тяжелой одежде, ослабленный болезнью, наверняка не выплыл бы. Но он все же выбрался из реки возле железного моста и со всех ног помчался домой. Бежать в одних носках было больно, но он ничего не чувствовал, в голове только и крутилось: «Будешь сыт, будешь сыт». Неподалеку от дома его встретила Люся, которая в это время должна быть на уроках. Она помогла ему раздеться, тогда-то и выяснилось, что вся одежда: и плащ, и свитер, и футболка под ним – изрезана на спине.

Люся была в ужасе, но ни о чем не спрашивала и, пока брат принимал горячий душ, собрала испорченные вещи в мешок и вынесла на помойку.

Позже, лежа в постели, Коля сбивчиво рассказал ей обо всем, что случилось.

С раннего детства он жил почти без присмотра. Болтался по улицам, хулиганил, дрался, сталкивался с разного рода мутными типами, но никогда прежде, да и потом тоже, его ничего не пугало так, как встреча с бабкой. Ему еще долго потом снились кошмары и на каждом углу чудился ярко-го-

лубой платок. Однако, как ни странно, воспаление уха прошло – видимо, организм так запаниковал, что в нем включились резервные силы, и уже через неделю Коля выздоровел.

А спустя месяц он услышал, как кто-то из ребят рассказывал о сумасшедшей деревенской старухе, которая среди бела дня накинута с ножницами на маленького мальчишку возле продуктового магазина, и того с трудом отбили два здоровых мужика. Старуху схватили и увезли в психушку. Немного поспрашивав, Коля выяснил, где находится ее дом, и подбил Люсю в него залезть.

Он и сам не знал, зачем ему это, вероятно, надеялся, что преодоление страха прогонит кошмары, но, пробравшись в дом и обнаружив там кусок своего плаща, прибитый к стене, спать стал еще хуже.

Когда утром позвонила Магда и попросила его зайти, Коля счел это продолжением ночного кошмара, а сообразив, что не спит, неожиданно разволновался.

Было одиннадцать утра, сестра ушла к Гончару, а сам он собирался проспать до обеда.

Накануне они полночи играли в покер с Корги и неплохо повеселились.

Парень вел себя открыто и дружелюбно, словно они с Колей старые добрые знакомые. И это здорово, потому что он терпеть не мог неловкости и скованности в общении, бессмысленные, формальные разговоры и официоз.

Шутил Корги смешно, играл хорошо и ко всему прочему забавно флиртовал с его сестрой. Уж этого Коля не мог не заметить, пускай сей факт Люся и отрицала.

Он вышел через центральную дверь, запер ее на ключ и медленно спустился по широкой, с изогнутыми перилами лестнице.

На каждом этаже располагалось по две квартиры. Одна дверь напротив другой, а между ними сетчатая кабина лифта и выложенная бело-коричневыми шашечками плитки лестничная площадка.

Магда ждала, приоткрыв узкую щелку двери, и сразу же, будто чего-то опасаясь, запустила его в квартиру.

– Хочешь честно? – тут же в прихожей заявила она. – Может, кто тут и рад вашему появлению, но это точно не я. Любезностей от меня не дождешься. Понял?

– Понял. – Коля уже мечтал поскорее убраться оттуда.

Квартира Магды показалась ему темной и зловещей, будто где-то в ее жутких недрах сидит и ждет своей страшной участи маленький несчастный мальчик. Он прекрасно осознавал, что это лишь проявление обострившейся фобии, но все равно видел в ядовитом взгляде ухмыляющейся бабки желание его сожрать.

– Но ты мне пригодишься. – Повернувшись к нему спиной, Магда вперевалочку направилась в глубь коридора. – Иди за мной.

Коля не пошевелился.

Дойдя до угла коридора, она оглянулась:

– Чего встал как пень? Разуваться необязательно.

Но он и не думал разуваться, а представлял, как будет выглядеть его позорное бегство. Что скажет писатель, когда Магда ему об этом расскажет. Как засмеется Корги и как станет стыдно сестре. Люся, конечно же, знала о его страхах и понимала их причину, но перед другими ей будет за него стыдно. Возможно, она даже начнет оправдываться и расскажет им его жуткую историю, чего допустить он никак не мог.

С трудом пересилив себя, Коля догнал бабку. Представшая перед ним комната была сравнительно небольшой и захламленной.

– Видишь это? – Она ткнула пальцем с перстнем в коробки возле стены. – Их нужно отнести в подвал.

– Все? – Коля почувствовал облегчение.

– Все до одной. Сто лет тут стоят. Надоели.

– А что в них?

– Что-что! Барахло всякое ненужное.

– Может, лучше тогда на помойку?

– Никаких помоек. Подвал внизу. Он открыт. Пройдешь до тупика, там и составь.

Коля подошел к коробкам и поднял одну. Она была объемная, но легкая. Он бы мог и пять таких зараз унести, если бы ему кто-нибудь нагрузил их сверху.

Дверь в подвал под лестницей была приоткрыта, и оттуда

сильно тянуло сыростью и прохладой. Коля ткнул выключатель, и под низким потолком зажглись электрические лампы. Здесь повсюду на уровне колен тянулись трубы, и, чтобы попасть из одной секции в другую, нужно было их перешагивать.

Лучшей зарядки с утра не придумаешь. Высоко задирая колени, он перескочил труб десять, прежде чем уткнулся в стену. От нее в обе стороны тянулись другие секции, но Коля, как и велела Магда, поставил коробку у стены и, не удержавшись, заглянул внутрь.

В коробке лежали аккуратно сложенные вещи – одежда. Детская.

Вернувшись в квартиру Магды, он постоял немного у порога и, перепрыгивая через ступени, побежал на третий этаж.

Корги, взлохмаченный, сонный, в широких трусах, открыл ему. Ничего не спрашивая, он впустил Колю и молча ушел на кухню, откуда вернулся со стаканом воды и жестом позвал за собой.

В этой квартире было прохладнее, чем в других, и по коридору гуляли сквозняки.

Комната, куда Корги его привел, напоминала чилаут: пол сплошняком устелен пестрыми коврами, а из мебели только низенький деревянный столик и несколько темно-коричневых кресел-мешков. Повсюду раскиданы маленькие цветные подушки, в углу возле окна бесшумно крутился боль-

шой вентилятор.

Поставив стакан на столик, Корги упал в одно из кресел и наконец спросил:

– Что-то случилось?

– Нет, ничего! – Коля подобрал с пола подушку и опустился рядом с ним на пол. – Люся у Олега Васильевича. Извини, если разбудил.

Корги протер ладонями лицо.

– А сколько времени?

– Половина двенадцатого.

– Самое время для завтрака. Ты уже ел?

– Еще нет.

– Тогда идем в кафе в соседнем доме. У них завтраки до двенадцати и обалденные блинчики с брусникой.

– Мы с сестрой зареклись тратить деньги на кафе, клубы и прочие развлечения. – Сознаться, что не хочет проходить мимо квартиры Магды, Коля не мог.

Губы Корги расплзлись в теплой приятельской улыбке.

– Идем-идем, после вчерашнего покера я твой должник. Сейчас только душ приму, и помчим.

– Погоди. – Коля едва успел поймать его за руку. – Меня Магда попросила коробки в подвал отнести, вдвоем быстро сделаем, а потом – завтракать.

В ясно-голубых, чистых и прохладных, как родниковая вода, глазах Корги промелькнуло удивление.

– Ничего не выйдет. Я к ней на порог ни ногой.

– Почему?

– У нас взаимная неприязнь.

Коля насторожился.

– Она считает меня демоном.

– Демоном? Забавно. С чего это?

– Честно?

Корги наклонился к Коле, и копна волос рассыпалась по лицу так, что остался виден лишь подбородок.

– Она в меня влюблена, – произнес он таинственным шепотом, – и поэтому ненавидит.

– Кто? – Коля был поражен. – Бабка?

– Ну да.

– Не может быть!

– Не хочешь – не верь. – Он выпрямился. – Забей на коробки, идем есть блинчики с брусникой. А то будешь к ней ходить, она в тебя тоже влюбится и проклянет за то, что ей не двадцать лет и ты не можешь ответить ей взаимностью. Нет, ну я не знаю, конечно, твоих вкусов. Но, как по мне, для любви она старовата.

– В одной из коробок, которые я нес, были детские вещи. У нее есть внуки?

– Никого у нее нет. И не было. Сто лет назад ее бросил какой-то парень, и с тех пор в голове у нее перемкнуло.

– Значит, она сумасшедшая? – еле слышно высказал Коля свои опасения.

– Эй. – Корги шутливо похлопал его по плечу. – Ты что,

испугался? Брось. Просто послушай меня: сам к ней не ходи, девчонок к себе не води, чай, который она станет тебе предлагать, не пей. И все будет нормально.

Слова Корги звучали странно, но Коля выдохнул, похвалив себя за предусмотрительность.

– Я от нее сбежал, – признался он. – Она может пожаловаться Олегу Васильевичу?

– Точно нет. Она еще сама будет умолять тебя не рассказывать ему об этом.

– Что же мне тогда сказать ей? Как объяснить, почему я ушел?

– Никак. – Корги присел перед ним на корточки. – В этом доме объяснения ничего не стоят. Не давай их сам и не проси ни от кого. Объяснения – это мыльные пузыри, которые лопаются так же быстро, как и произносятся слова.

Коля протянул руку за стаканом воды:

– Можно?

– Черт! Мы же опоздаем на завтрак! Умыться я уже, кажется, не успею. – Корги вскочил и вылетел из комнаты.

– А если Люся вернется и не найдет меня? – крикнул Коля ему вслед.

– Напиши ей! – слышалось из глубины квартиры.

Коля последовал за ним и остановился в ожидании.

– Ей будет неприятно, что я ушел без нее.

– Вы друг без друга никуда не ходите? – Корги появился из комнаты уже полностью одетый.

– Ходим, конечно, но здесь мы еще ничего не знаем и договорились держаться вместе.

Они вышли через главную дверь, и Корги запер квартиру:

– Решай сам, я не обижусь. Могу принести тебе блинчики сюда.

– Ладно, – сдался Коля. – Только давай быстро.

Глава 6

– Благодаря вам мне удастся заполнить некоторые пустоты, образовавшиеся после смерти моей сестры. Вот сейчас я явственно вспомнил, как провалился в прорубь, а Оленька, рискуя жизнью, меня вытащила. Безусловно, мы с вами разные люди, но то, что нас объединяет, не зависит ни от характера, ни от условий жизни. И если все пойдет так же хорошо и дальше, я обязательно докажу, что моя теория верна.

Гончар замер, задумчиво разглядывая свои руки, лежащие на столе.

– Что это за теория? – спросила Люся.

Они беседовали уже час, и если поначалу писатель держался весьма деловито, то, чем дольше они разговаривали, тем чаще он замирал: то ли осмысливая ее слова, то ли размышляя о чем-то своем.

– У меня есть правило: пока текст недописан – не раскрывать его содержание. Это позволяет удерживать внутреннюю энергетику и страсть к работе. Но когда он будет закончен, вы с братом станете первыми, кто получит возможность с ним познакомиться.

– Что же случилось с вашей сестрой?

Люсю подмывало спросить об этом с самого начала разговора, но подходящего момента не представлялось.

– А... ну... она умерла. Несчастный случай. – Гончар рас-

сеянно помолчал. — Мыла окна. Поскользнулась на пене, схватилась за раму, но старые петли не выдержали. А там высота... пятый этаж.

— Это ужасно! — искренне откликнулась Люся. — Представляю, как вы расстроились.

— Расстроился? — Он недоверчиво прищурился. — А ты могла бы представить, что твой брат умер?

— Мне не хочется это представлять.

— Прошу тебя, попробуй. — И хотя голос его звучал ласково, Люся почувствовала давление.

В ее воображении немедленно нарисовалась картина, как Коля балансирует на подоконнике пятого этажа, хватается за оконную створку, петли не выдерживают веса, и он, сорвавшись, летит вниз.

— Легче представить, что я сама умерла. — Она встряхнула головой, прогоняя жуткое видение. — Это не так страшно.

— Когда умирает кто-то из близнецов или двойняшек, второй тоже умирает. Не физически, но умирает.

— Вы правы, я сморозила глупость.

— Однако это не значит, что физической боли не было, ты же понимаешь. Когда это произошло, я чувствовал все. Падение из окна приковало меня к кровати почти на два месяца. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Но, даже обретя вновь способность двигаться, заговорил я лишь через полгода.

— Поразительно! — ахнула Люся. — Мы тоже чувствуем

друг друга, но, наверное, не так сильно.

– А вы не пытались развивать в себе эти способности? Общаться телепатически? Или предсказывать поступки друг друга? Мы вот все детство этим занимались. Очень полезное умение, скажу я тебе. Особенно на экзаменах, – Гончар улыбнулся, напряжение в его голосе пропало, и он снова разговаривал привычным добродушным тоном. – А давай-ка ты сейчас попробуешь отправить мысленное сообщение брату? Любопытно проверить, насколько чутко вы ощущаете друг друга.

– Какое сообщение?

– Да любое. – Гончар очень оживился от этой своей идеи. – Просто позови его.

Люся прикрыла глаза, пытаясь представить, чем брат в этот момент может заниматься. Скорее всего, еще спит или просто валяется в постели и смотрит блогеров.

«Эй, Коль, приди ко мне, пожалуйста! Прямо сейчас. Это важно».

Собственный голос в голове прозвучал безжизненно и бестолково.

«Я в кабинете у Гончара. И ты мне очень нужен!»

Нет. Это не то. Она сама ничего от своих призывов не чувствовала.

«Быстро иди сюда!»

Представив, как, услышав этот приказ, Коля от неожиданности свалится с дивана, она невольно рассмеялась.

– Ничего страшного. – Гончар шумно выдохнул. – Я и не надеялся, что у тебя получится с первого раза.

Люся вспомнила, как нечто подобное они с Колей как-то пытались проделать с бабушкой, внушая ей мысли. Засели под столом на кухне, пока она варила на неделю суп, и гипнотизировали: «Положи в холодильник ложку» или «Урони полотенце», но получилось у них только с заданием «Почешу нос». Они пришли в столь бурный восторг, что бабушка, услышав, как они давятся от смеха, тут же обнаружила их и погнала с кухни.

– Пожалуй, на сегодня все. Кажется, мы оба устали. Благодарю тебя за столь приятное общение. – Олег Васильевич кивнул. – Ты сама обратно дорогу найдешь? Я побуду еще немного здесь. Увидимся на обеде.

Брата в квартире не оказалось. Кровать он оставил неубранной, вещи валялись, а в телефоне обнаружилось его сообщение о том, что они с Корги отправились завтракать в кафе и объяснение, как это кафе найти.

Позволить себе роскошь завтракать в кафе они не могли, и Люся догадалась, что это инициатива Корги, которому Коля попросту не смог отказать.

Было в этом парне нечто такое, что побуждало нравиться ему. Она судила не только по себе. Брат весь вечер из кожи лез вон, чтобы произвести на него впечатление, хотя раньше подобного за ним не наблюдалось. И дело тут не только

в симпатичном лице и обаянии, которые совершенно равнодушный к внешности парней Коля вряд ли оценил. Корги просто хотелось доверять и быть рядом с ним. А наличие ума, образованности и харизмы заставляло искать его одобрения.

Они с братом видели не так много людей, отличающихся от погрязших в быту и семейных проблемах жителей поселка Первомайский. Их школьные и дворовые друзья были простыми, незатейливыми ребятами, с которыми они гуляли, валяли дурака и веселились, но никогда не вели разговоров сложнее, чем планы разбогатеть или отправиться в путешествие.

Корги же был художником, творческой и свободной личностью. Он с одинаковой легкостью рассуждал об уникальных цифровых ключах, созданных на основе криптовалюты, о визуализации диалога между природой и индустрией в искусстве, о споре номиналистов с реалистами и новом альбоме Slipknot. И, прекрасно осознавая, что брат с сестрой о многом понятия не имели и не слышали, он своими знаниями не кичился и не пытался ставить себя выше, напротив, объяснял им все просто, понятными словами, а потом интересовался мнением.

Единственное, что все-таки никак не укладывалось у Люси в голове, так это то, что с момента их появления в доме шел всего третий день, а этот парень успел завладеть их вниманием настолько, что фигура Гончара, о котором они

столько думали, затеяв поездку, отошла в сторону.

Резкий звонок в дверь раздался, когда она уже собралась отправиться искать кафе.

На пороге стояла Магда.

– И где же твой брат? – в резкой форме, не утруждая себя приветствиями, спросила она.

– Ушел завтракать с Корги. Он вам нужен?

– С Корги? – вспыхнула женщина, и ее фиолетовая голова гневно затряслась. – Как же я сразу не догадалась!

– Что-то случилось?

– Этот парень – зло. Не позволяйте ему забраться к вам в сердце. Он в нем живого места не оставит. – Магда погрозила крючковатым пальцем с перстнем. – Особенно это касается тебя. Не водись с ним. Остерегайся. Не слушай его речи и не смотри в глаза. Будь все время начеку. Тогда, может, и обойдется.

– Что обойдется?

– Когда это начинается, поначалу всегда кажется, что все хорошо и лучше тебе еще никогда не было, но чем лучше сейчас, тем страшнее станет потом.

– Прошу, объясните, о чем вы говорите, – взмолилась Люся.

Магда наклонила голову, строго посмотрела на нее из-под бровей и неожиданно смягчилась; ее улыбка маслянисто расплзлась, как сыр в микроволновке.

– Прости-прости, что страсти нагоняю. Такой уж характер

у меня. Нервы ни к черту. Жара еще эта, чтоб ей пусто было! Из-за всего подряд переживаю, и по делу, и без, вот и болтаю невесть что. Твой брат пообещал помочь, но потом пропал.

– Давайте я сделаю. Что нужно?

Помочь Магде с коробками для нее не составило труда и заняло не более пятнадцати минут, благо бабка жила на первом этаже и далеко ходить не потребовалось.

На улице было душно, хотя день только входил в полную силу. Люся прошла через ворота в арке и, сверяясь с указаниями Коли, отправилась искать кафе в соседнем доме. Однако не нашла и двинулась дальше по улице, высматривая вывеску с надписью «Лайм и корица».

Справа от нее по широкой дороге проносились сверкающие на солнце машины, а впереди она увидела площадь перед метро, где, как и три дня назад, стояла толпа зевак, окруживших уличных музыкантов.

Воспоминания о ночном сне всколыхнулись волной неясного предчувствия, и ей отчего-то показалось, будто, подойди она ближе, обязательно услышит «Вива ла вида».

– Люся! – окликнул ее кто-то, как только она перешла дорогу, направляясь к музыкантам.

Обернулась: Корги. Бегом проскочил на зажегшийся красный свет.

– Мы сидим вон там. – Он махнул рукой и, подхватив ее под локоть, потянул за собой. – Ты прошла мимо.

– Подожди. – Песня будто все еще звучала в ушах. – Я хочу их послушать. Мне кажется или они играют «Колдплей»? – Ты любишь «Колдплей»?! – Он как будто обрадовался, резко повернулся к площади и в ту же секунду столкнулся с несущимся сломя голову курьером на желтом электросамокате.

Курьер с грохотом свалился в одну сторону, Корги, едва не сбив с ног Люсю, в другую.

– Как ты? – Она бросилась к нему.

– Все в порядке. Жив. – Ободряюще улыбнувшись, Корги приподнялся и, осмотрев ладони, сел.

Его светлые джинсы испачкались в серой пыли.

– Вы вообще смотрите, куда едете? – закричала Люся на курьера.

– Я ехать прямо. Я все видеть, – гневно раскричался тот в ответ, поднимая самокат.

– Я тоже видела. Вы ехали на огромной скорости! А здесь не проезжая часть.

– Все нормально. Я сам виноват, – продолжая сидеть на асфальте, успокоил обоих Корги, – претензий нет.

Неподалеку остановились две сердобольные женщины и принялись ругать курьера, и тот, подхватив самокат, помчался к переходу, пока горел зеленый свет.

Люся протянула Корги руку. Ухватившись, он поднялся, однако, едва сделав пару шагов, заметно захромал.

– Ты уверен, что ничего не сломано?

– Абсолютно. Просто ушиб. Расхожусь, и все пройдет.

Люся знала этот взгляд. Он пытался сделать вид, что ему не больно.

– Возвращаемся, – решила она. – Нужно осмотреть ногу.

– А как же музыка?

– В другой раз. – Люся взяла его под локоть. – Если хочешь, можешь опереться на меня.

Немедленно воспользовавшись ее предложением, Корги обхватил ее за плечи, но вес тела не перенес и шел рядом, чуть прихрамывая, словно они пара влюбленных.

Узнав о случившемся, Коля со знанием дела ощупал ногу Корги и объявил, что нужно срочно приложить лед.

Они вдвоем поднялись в квартиру Корги, усадили его в чилаутное кресло, и Люся поспешила к Козетте за льдом.

На втором этаже пахло валокордином и гречкой. В кабинете писателя играла песенка Let it be me, с кухни слышался бубнеж радио. Осторожно, словно она совершает нечто противозаконное, Люся двинулась по коридору. Ее не переставали удивлять отсутствие замков на дверях и возможность вот так запросто войти в чужой дом. Возле одной из комнат, напоминающей небольшой концертный зал, она остановилась.

Несколько рядов стульев перед огромным черным роялем, за ним стена, задрапированная красной бархатной тканью. В дальнем углу – высокая черная колонка. Пол покрыт

мраморной плиткой, но перед роялем и в проходах между стульями лежали красные ковровые дорожки.

– Что ты здесь делаешь? – Козетта появилась так неожиданно, что Люся стукнулась плечом о дверной косяк.

– Я шла к вам. У вас есть лед? У Корги сильный ушиб, нужно приложить.

– Нечего тут вынюхивать, – недовольно проворчала женщина.

– Очень красивая комната. Вы тут проводите музыкальные вечера?

– Всякие вечера. – Она махнула рукой, приглашая Люсю следовать за ней. – Олег Васильевич любит поэзию. Иногда мы проводим тематические вечера, посвященные его книгам. Готовьтесь. Он может попросить об этом и вас.

– Это очень интересно. Я как раз собиралась спросить, какую его книгу вы мне посоветовали бы прочесть?

Козетта резко обернулась:

– Я посоветовала бы прочесть все!

– Да, но с какой лучше начать?

– Если вы еще не поняли, Олег Васильевич – гений. Единственный в своем роде. Величайший, уникальнейший творец, каких не знала история.

В ее голосе звучало благоговейное восхищение.

– Я понимаю. – Под требовательным взглядом поварихи Люсе стало неуютно. – Конечно.

– Ничего ты не понимаешь. – Она двинулась дальше. – Та-

кого человека нужно ценить и прославлять. Каждый должен его знать, пускай не во всем мире, но в России точно. Люди же слишком примитивны и глупы. Они не видят дальше своего носа. Им подавай лишь то, что не требует умственных усилий. Придумывают себе каких-то богов, верования...

Они вошли на огромную кухню, и Козетта, не договорив, кинулась к выкипающей кастрюле.

Здесь стояли две плиты, с четырьмя конфорками каждая, и везде что-то парилось, жарилось, бурлило.

Над разделочным столом висели стальные половники, шумовки, ножницы для мяса, порционные ложки и разноразмерные ножи. Посреди кухни стоял монолитный каменный остров, заставленный всякой всячиной.

– И как вы со всем справляетесь? – поразилась Люся, оглядывая кухонное царство Козетты.

– Справляюсь, – буркнула она, колдуя над кастрюлей. – На мне еще уборка и забота об Олеге Васильевиче. Ума не приложу, что бы тут было, если бы не я.

– Но почему бы не нанять кого-нибудь в помощь? Нельзя же вваливать столько дел на одного человека.

Люся хотела как лучше, однако Козетта неожиданно разозлилась и, оставив кастрюлю, в два шага оказалась перед ней.

– Кого это нанять?

– Уборщиц, например. Или сиделку.

– Ты разве не поняла?! – Ее массивное лицо сделалось каменным. – Никто, кроме меня, с этим не справится. Никто!

– Поняла. – Люся прикусила губу.

– Существуют такие вещи, как долг. – Мощная фигура Козетты в темно-синем платье грозно нависла над Люсей. – И тот, кто знает, что это такое, успевает все. Лишь благодаря этому пониманию я заслужила честь жить и работать в доме Олега Васильевича.

– И давно вы здесь работаете? – поторопилась перевести тему Люся.

– Очень. Еще до того, как все лишние отсюда выселились.

– Кто такие – лишние?

– Раньше этот дом кишел людьми. Почти все квартиры были коммуналками. В каждой по несколько семей. А потом, когда несчастье случилось, город решил, что дому нужна реконструкция, и выселил всех. Вот только Олег Васильевич съезжать отказался, да и как он съедет, если это его собственный дом? Здесь все его предки жили.

– Что за несчастье? – заинтересовалась Люся.

– Ну как же? – Козетта метнула строгий взгляд, словно она спрашивает очевидное. – Гибель Ольги Васильевны, разумеется. Страшное горе.

– Вы ее знали?

– Нет. Это до меня еще было. Еще до всех. Они вдвоем жили. Квартиру наверху занимали. В те времена считалось, что это непозволительная роскошь. Но Олег Васильевич – фигура такого масштаба, что мог себе позволить. – Козетта взглянула на маленькие золотые часики, обхватывающие за-

пятье ее мясистой руки. – Некогда болтать.

– А можно лед? – осторожно попросила Люся.

Повариха выдала ей замороженную отбивную, которую Коля примотал к ушибленному колену Корги шарфом.

– Она странная, – сказала Люся, наблюдая за его манипуляциями. – Набросилась на меня лишь за то, что я восхитилась, что ей удастся делать сразу столько дел.

– У-у-у, – насмешливо протянул Корги. – Усомниться в том, что Козетта справляется со всем домом, опасно. Она только выглядит как прислуга, а на самом деле рулит тут всем. Даже Олегом Васильевичем, хоть он этого и не показывает. С ней лучше не спорить и не нарываться, особенно когда придет к вам уборку делать.

– Я буду убирать сама, – объявила Люся.

– Вот именно этого говорить ей не советую. Ее способно остановить только разбитое зеркало. Я себе в студии поставил. Она теперь туда и не заглядывает. Суеверная. Черных кошек тоже боится.

– Где же я возьму разбитое зеркало? – вздохнула Люся.

– Разбить зеркало проще простого, – хмыкнул Коля. – Они у нас почти в каждой комнате.

– Ты совсем? – ахнула сестра. – Мы же в чужом доме!

– Если подняться на пятый этаж, наверняка найдете, – подсказал Корги. – Там чего только нет. Можете смело брать.

На подоконнике Люся заметила альбом с торчащими из

него рисунками.

– Это твое?

– Не, – отмахнулся он, – моих учеников. Дети в основном.

– Ты преподаешь? – заинтересовалась Люся.

– Немного, чтобы не заскучать.

– А посмотреть можно?

– Конечно.

На первом рисунке был обычный карандашный набросок вазы с подсолнухами. На другом – множество маленьких птичек колибри, порхающих по всему полотну бумаги. Тонкие и точные детали – лапки, хвостики, клювы. На третьем с геометрической выверенностью был изображен автомобиль.

– Очень неплохо, – заключила она. – А свое покажешь?

– Сначала ты.

Его глаза смеялись, и Люсе тоже стало весело.

– Хочешь, сыграем в три предмета?

– Это как?

– Я загадаю тебе три любых предмета, и ты должен будешь нарисовать с ними картинку. А ты загадаешь мне. Это весело, особенно если предметы разные. Например: каша, молоток и курица или школьная парта, каток и стетоскоп. В общем, что угодно.

– Легко! – оживился Корги. – Тащи альбом. Карандаши есть в том ящике.

Схватив альбом, Люся полезла за карандашами. Предлагать игру Коле было бессмысленно. Брат рисовать не любил.

Глава 7

– Замечательное, просто чудесное утро! – Гончар выехал из кабинета Коле навстречу. – Мне так хочется на воздух, пока он еще окончательно не прогрелся и не превратился в удушливый смог. Ты не против небольшой прогулки?

Коля был рад возможности пройтись, однако к инвалидному креслу приспособился не сразу и долго вывозил писателя из подъезда, однако за воротами дома дело пошло веселее. Проехав немного вдоль проезжей части, они свернули на узкую улочку во дворах и медленно двинулись по ее теневой стороне.

Дома здесь были невысокие, старые и напоминали крошечный потерянный остров в бушующем океане мегаполиса. Кое-где попадались покрытые толстым слоем серой пыли раскидистые тополя. В аккуратно стриженных кустах громко резвились воробьи. Тонкая полоска чистейшего неба между зданиями слепила синевой.

– Все родственники по линии моей матери жили в Москве с николаевских времен, – сообщил Гончар, едва они отделились от шума машин. – Если захочешь, я тебе потом покажу свое генеалогическое древо. На самом деле это только кажется, что время тяжеловесно. Сто лет – огромная цифра. Срок отпущенной человеку жизни. Но взять всего лишь десять раз по сто – и мы окажемся в тысячном году. Только

представь. Москвы еще даже не было. История стремительна... – Гончар запрокинул голову. – Есть только одна вещь, которая не меняется никогда, – это небо. Ему совершенно безразлично то, что творится внизу. Какие изменения претерпевает город, чем живут и дышат люди, какой нынче год и курсы валют. Оно само по себе. Живет и существует рядом с землей, но в то же время само по себе. И в этом смысле мы с ним удивительно похожи. Когда в твоей голове выстраиваются невообразимые сценарии, обыденное и будничное становится совершенно неважным.

Коле было сложно поддерживать столь сложный разговор. Накануне вечером он побывал на пятом этаже и с самого утра думал только об этой вылазке. Устав наблюдать, как Корги заигрывает с его сестрой, а она с ним, Коля оставил их вдвоем и решил вернуться к себе, но, пока шел по лестнице, заинтересовался тем, что же находится в квартире над ними, и поднялся наверх.

Пятый этаж разительно отличался от всех остальных помещений дома. Облупившиеся, где-то раскрошенные до кирпича стены, черные от пыли и копоти потолки, сорванные с петель и валяющиеся посреди коридора и комнат двери. Свет сюда попадал через грязные треснувшие стекла. В нескольких комнатах окна и вовсе оказались побитыми, а пол усыпан осколками.

В одной из комнат на высоте метров четырех к потолку были приклеены горелые спички, а на стене красовался де-

тальный рисунок обнаженной женской груди.

Во второй обнаружили вбитая в стену железная цепь и перевернутая миска, словно здесь кого-то принудительно держали. В угловой комнате, там, где у Люси была спальня, он нашел гору пивных банок и красные лакированные женские туфли, разбросанные по разным углам.

Так он неспешно бродил по заваленным комнатам и вдруг услышал шаги совсем неподалеку, словно кто-то торопливо ходил из стороны в сторону.

– Эй, – крикнул Коля, озираясь, – здесь кто-то есть?

Никто не ответил, но звук шагов стих. Коля принялся открывать сохранившиеся двери. Громко распахивал их и оглядывал сумеречные комнаты. Одну, другую, третью, а когда очередная дверь распахнулась, от неожиданности он отлетел к противоположной стене – посередине комнаты, не двигаясь, стоял человек в черном плаще.

– Эй, – окликнул его Коля. – Алле!

Но человек даже не пошевелился.

– Добрый вечер! – снова прокричал он и тут заметил, что у дальней стены в таких же недвижных позах на стульях сидят еще люди в плащах.

Первой его мыслью было: сектанты, и он попал на их тайное собрание. Розовый закатный свет окрашивал все вокруг в нереальные призрачные тона, и лиц их он различить не мог.

Однако в комнате стояла абсолютная, мертвая тишина. Испытав легкое замешательство, Коля все же двинулся к че-

ловеку, положил ему руку на плечо и развернул к себе. От резкого толчка человек покачнулся и с грохотом упал на пол. Это всего лишь манекен! И все остальные, сидящие на стульях, тоже манекены. Смешная, немного глупая ситуация. В отместку за свой кратковременный испуг, дурачась, Коля пару раз пнул пластикового сектанта. А потом подошел и раскидал в разные стороны сборище на стульях.

Комната наполнилась шумом и грохотом, безжизненные тела разлетелись по углам. Коля и сам не знал, зачем с ними сражался, но после победы весь взмок и подошел к пустому оконному проему, чтобы подышать свежим вечерним воздухом.

Взгляд мельком скользнул по симпатичному особняку напротив, и в окне последнего этажа Коля заметил темную фигуру, будто бы смотрящую прямо на него.

Испытав чувство неловкости, он поспешил вернуться к Корги, а когда вошел в комнату, чтобы расспросить его о том, что видел, застукал их с сестрой целующимися.

– Как продвигается ваша новая книга? – придумал он вопрос для Гончара.

– Нет никакой книги! – неожиданно резко ответил писатель.

– Как же нет, если вы ее пишете?

– Писать пишу, но книги нет. – Вдохновенный, устремленный в пространство взгляд писателя сделался непрони-

цаемым. – Пока книга не закончена – это пустое место. Голая фантазия. Нет финала, а значит, и смысла. Только финал способен определить главную идею. А книга без идеи – это просто набор слов.

Мимо них шла шумная группа китайских туристов, и Олег Васильевич был вынужден замолчать, а Коля поторопился поскорее сменить тему:

– Сочинения за меня всегда писала Люся. Хуже всего было, когда нам попадался один вариант. Ей тогда приходилось выдавать одно и то же, но разными словами.

– А мы с сестрой, наоборот, всегда обдумывали один сюжет вместе, и эффект был такой, словно работа мозга поставлена на двойную мощность, – подхватил Гончар. – Мне очень легко писалось в те времена. У нее была отличная фантазия и рождались такие образы, до которых я не додумался бы. После ее смерти я не писал три года; считал, что никогда не смогу вернуться к этому занятию.

Внезапно он замолчал и, странно задержавшись, принялся разворачивать кресло.

– Что случилось? – заволновался Коля.

– Вон-вон, смотри. – Писатель выставил указательный палец вперед. – Видишь ту женщину в оранжевом платье? Кажется, это моя. Нет, точно моя. Катька. Как же я отвлекся и пропустил ее?

– Хотите, я догоню? – предложил Коля.

– Это бессмысленно. Она меня и не знает.

– Как? Вы же сказали «моя».

– Их тут много моих ходит. – Гончар загадочно улыбнулся. – Конкретно эта официанткой работает в кафе, чуть дальше по улице. Я за ней полгода наблюдал. Каждый день сидел часа по три в этом дурацком кафе. Вроде бы ее Юля зовут, но точно не помню.

– Но почему тогда вы называли ее Катькой?

– В жизни ее зовут Юля, а у меня – Катька. В книге моей. Мне нужна была неоднозначная героиня, и я ее нашел.

– Типа прототип? – догадался Коля.

– Именно. Мне нужно видеть человека, понимать его, чувствовать, чтобы получилось достоверно. С этой девушкой мы немного общались, достаточно, чтобы я смог ее написать, но недостаточно, чтобы она вспомнила старика-инвалида спустя пять лет.

Писатель снова заговорил о Москве, отдельных домах, названиях улиц, о своих предках, достопримечательностях и истории, а Коля лишь рассеянно слушал и, провожая взглядом очередную юную красотку, размышлял о том, что в Москве девушки не такие, как в Первомайском. Расфуфыренные и как будто надменные. Стоило на ком-то задержать взгляд, как у нее тут же делалось такое лицо, словно он предложил ей нечто интимное.

В Москве его никто не знал, он стал обыкновенным и растворился среди множества других парней.

– Нам нужно развеяться, – объявил он сестре, вернувшись с прогулки.

– В каком смысле? – Люся замерла, стоя на низенькой двухступенчатой лесенке перед книжным шкафом. Вооружившись тряпкой, она протирала каждую книгу.

– Давай сходим куда-нибудь вечером? Отдохнем и повеселимся.

– Ты забыл, что это Москва и здесь все безумно дорого?

– В Первомайском у нас было полно друзей. Мы гуляли, ходили в кино, в клуб, катались на мотиках, да много чего делали. И девчонки всегда рядом, а сейчас пустота.

– Ты скучаешь по девушкам? – догадалась Люся.

– Мне нужен свежий воздух. Ты-то времени зря не теряешь, а я как дурак вчера подрался с бандой манекенов.

– Что значит, я времени не теряю? – Люся возмущенно взмахнула тряпкой.

– Думал, ты о манекенах спросишь. – Коля развел руками. – Если он тебе нравится, развлекайся ради бога, я не против. Но мне-то что делать? Чем себя занять?

– Продолжишь в том же духе, мы поругаемся, – пригрозила сестра.

– А что я плохого сказал? Вы целовались. Я видел.

– Неправда!

– Ладно, почти целовались.

– Ты сейчас выдумываешь! – Люся смущенно негодова-

ла. – Как это – почти?

– Ну, вы сидели очень близко, и ты тянулась к нему так, словно вот-вот поцелуешь.

Коля, хоть и посмеивался, говорил правду, однако Люся продолжала сопротивляться:

– Чего-чего, а ревности я от тебя не ожидала.

– Это не ревность, а скука. Мы договаривались в Москве быть всегда и везде вместе.

– Вчера утром ты ушел без меня завтракать.

– Но ты была у Гончара...

– Уговор есть уговор.

– Значит, ты выбираешь меня?

– О каком выборе речь? – Люся наконец спустилась вниз и ткнув в брата пальцем, строго произнесла: – Я никогда не ставила тебе подобных условий.

– Я пошутил, – примирительно ответил Коля, хотя где-то в глубине души чувствовал, что эта шутка очень смахивает на правду.

– Давай обсудим это завтра? Поищем недорогое место поблизости, спрашиваем Корги; возможно, он знает.

Однако Коля эту затею не оставил и отправился к Корги немедленно.

Тот сидел в одном из кресел с пузатым стаканом в руке и ноутбуком на коленях. Из одежды на нем были только длинные серые шорты, а на голой гладкой груди висел серебря-

стый кулон в виде маленькой коротконогой собачки.

Увидев Колю, парень с удивлением отставил стакан на столик.

– Не помешал? – Коля остановился напротив него. – Давай сходим куда-нибудь? Сестра наотрез отказывается.

– Ты же говорил, что вы экономите?

– Да, но сейчас мне очень нужно.

– Вообще-то у меня нога. – Корги переложил ноутбук на столик.

– Брось, это ты перед Люсей можешь прикидываться калякой. Но я-то знаю, как это работает.

– И как же?

– Ты доволен, ведь она порхает вокруг тебя, заходит узнать о самочувствии и проводит здесь с тобой время, чтобы тебе не было скучно.

– Допустим. – Корги поднял голову и хитро улыбнулся. – И почему же я не должен быть этим доволен?

Коля опустил рядом с ним на подушку.

– В Первомайском мои друзья, просто ребята с района, да почти все, хотели с ней встречаться. А она ни в какую. Я впервые вижу, чтобы она на кого-то запала. Я не против, можешь изображать из себя кого угодно. Пока ей это нравится, я совершенно спокоен.

– Она действительно на меня запала? – Привычная улыбка на лице Корги сменилась живой заинтересованностью.

– Сто процентов.

– Это здорово! – Он радостно вскочил. – Спасибо за отличные новости.

– Ну что, идем? – Коля с надеждой встал, но Корги помотал взлохмаченной головой.

– Теперь я и подавно не могу никуда идти.

– Почему это?

– Потому что все, что меня интересует в данный момент, находится в этом доме.

– Я всего лишь попросил составить мне компанию, – разозлился Коля.

– Ты собираешься с кем-нибудь познакомиться, а мне это не нужно.

– При чем тут ты? – возмутился Коля. – Знакомиться буду я!

– Знакомиться будешь ты, а прилипнут они ко мне. Так всегда бывает. – Корги отправился в коридор, а Коля, распыленный негодованием, за ним.

– А тебе не кажется, что у тебя слишком высокое самомнение?

Отыскав на вешалке под ворохом верхней одежды в прихожей плащ, Корги достал из кармана пачку сигарет.

– Давай просто посидим на кухне, поболтаем. Ты мне расскажешь про сестру, что она любит и что мне для нее сделать. У меня есть джин и швепс. А в холодильнике две порции курицы терияки.

– Я думал, мы с тобой подружимся, – обижено фыркнул Коля, переходя за ним на просторную кухню со столом в виде стойки и высокими стульями. – Может, просто позовешь кого-то из знакомых?

– Каких знакомых? – Корги полез в холодильник.

– Готов поспорить, что у тебя полно знакомых нормальных девчонок.

– Что значит нормальных?

– Ну не знаю. Красивых и адекватных, типа моей сестры. Корги замер и с осуждением посмотрел на Колю.

– Таких, как твоя сестра, нет.

– Ладно. – Коля едва сдерживался. – Можно просто красивых.

– Как ты не понимаешь? – Корги достал из холодильника керамическую мисочку и понюхал ее содержимое. – Мне очень не хотелось бы, чтобы Люся обижалась на меня, когда об этом узнает.

– Между вами еще толком ничего нет, а ты только о ней и думаешь!

– Извини. – Корги развел руками. – Ничего не могу с этим поделать.

Коля ушел, не попрощавшись и громко хлопнув дверью.

Спал он плохо, беспокойно, изнывая от жары и ворочаясь на влажных простынях, а часа в четыре, когда уже рассвело, встал, чтобы попить воды. На улице стояла непривычная

тишина, из окон его спальни, выходящих в сквер, веяло едва уловимой свежестью, влагой и запахом зеленой листвы – умопомрачительными запахами детства и дома. Недолго думая и совсем позабыв о том, что хотел пить, он быстро натянул футболку и спортивные, взял ключ от входной двери и отправился в сквер.

Решетчатая калитка, ведущая в него, находилась за выступом стены и отделяла их дом от соседнего. На ней тоже был кодовый замок, но она оказалась не заперта. Коля прошел через нее по выложенной брусчаткой дорожке до клумбы с цветущими розами и двумя деревянными лавочками с изогнутыми спинками. Из густых крон деревьев доносилось жизнерадостное щебетание птиц. Краски дня еще не проступили, и все вокруг утопало в полутонах теней.

После недельного пребывания в городе этот маленький уголок природы внезапно показался ему настоящим раем. Он присел на корточки, чтобы понюхать розы, и вдруг среди зелени заметил светлый силуэт, скрывающийся от него за стволом дерева.

Медленно выпрямившись, он протер глаза, однако фигура не исчезла.

– Доброе утро, – сказал он негромко, словно его голос мог кого-то разбудить. – Вам тоже не спится?

Ему никто не ответил. Был ли это кто-то из обитателей дома или чужак, разобрать он не мог. Сделал несколько шагов навстречу, и силуэт пришел в движение, отступив еще

глубже в зелень. Подстегиваемый любопытством, Коля бросился вперед и увидел удирающую девчонку в майке и шортах. Пробежав зигзагами между деревьев, она выскочила на дорожку и умчалась в сторону калитки. Но когда Коля добежал до подъезда, ее уже нигде не было. Если бы она вышла на улицу через ворота, то в утренней тишине он обязательно услышал бы скрип. Но было по-прежнему тихо, значит, девочка могла забежать только в подъезд, попасть в который без магнитного ключа невозможно, хотя Коля допускал, что, когда выходил, мог неплотно прикрыть дверь.

Лифт не шумел, но он отчетливо различил звук быстро удаляющихся по лестнице шагов.

– Ты где был? – Люся вышла в коридор на звук запираемой двери.

– Гулял.

– В клубе? – спросонья не поняла она.

– Нет. В сквер выходил. Уснуть не мог.

– А сколько времени?

– Половина пятого.

С тяжелым вздохом сестра поплелась назад в спальню.

– Ты когда-нибудь встречала в этом доме девчонку?

– Нет.

– А я сейчас видел.

– Во сне?

– В сквере.

– В половине пятого?

– Знаю, что это странно, но она правда была. – Коля дошел за сестрой до ее кровати. – Ты же мне веришь?

– Я всегда тебе верю, – сонным голосом пробормотала Люся, прикрывая глаза. – Даже если бы ты сказал, что видел носорога, все равно бы поверила.

– Я тебя тоже люблю. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб. – Сладких снов!

Потом пошел на кухню и выпил наконец воды.

По улицам уже вовсю шуршали ранние машины, а над крышами домов желтоватым сиянием поднималось солнце нового дня.

Глава 8

Люся любила рисовать, но не красками и не на планшете. Все ее рисунки – черно-белая графика. Небольшие и очень детализированные рисунки, как старые книжные иллюстрации, которые увлекли ее еще в далеком детстве, когда она таскала из бабушкиного книжного шкафа книги. Читать взрослые произведения девочке было скучно, а рассматривать картинки – интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.